

VIII.

С М Ъ С Ъ.

ВРАЧЕВАНІЕ, ЗАВАВЫ И ПОВѢРЬЯ КРЕСТЬЯНЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ-ГУ- ВЕРНИИ, УѢЗДОВЪ: ШЕНКУРСКАГО И АРХАНГЕЛЬСКАГО.

Для того, чтобъ вѣрнѣе узнать взгляды крестьянъ на окружающее, ихъ повѣрья, примѣты, по моему, недостаточно спрашивать ихъ обо всемъ этомъ. Рассказывая все, для него важное, *дыдовское*, онъ четверти не скажетъ, боясь какихъ-то воображаемыхъ придирокъ со стороны мѣстныхъ властей и вамъ удастся выпытать отъ него, самую малую часть богатой сокровищницы вѣковыхъ повѣрій. Да и можно ли разспросами вытащить изъ крестьянина его повѣрья? Это, по моему, то же, что заставить говорить его извѣстныя ему пословицы и поговорки.

Если вы будете выпытывать у него что-либо по части демонологіи, онъ рѣшительно испугается васъ, и въ отвѣтъ на вопросы ваши, самый истый колдунъ-знахарь будетъ показывать вамъ на муки еретиковъ, такъ ярко-намазанныя на извѣстной фантазіи сред-

нихъ вѣковъ (1), изображающей страшный судъ, висящей почти въ каждомъ домѣ.

Не тому пути слѣдовалъ я, собирая все это: я старался доискиваться заветныхъ крестьянскихъ тетрадокъ, ходящихъ между ними подъ названіями «травениковъ»; въ этихъ-то тетрадкахъ они добросовѣстно и вѣрно записываютъ свои повѣрья, касательно различныхъ домашнихъ нуждъ, примѣты о перемѣнахъ погоды и проч. Въ этихъ же тетрадкахъ, писанныхъ когда-то досужими прадедами, и потому уже уважаемыхъ крестьянами, находятся, между прочимъ, описанія веществъ, служащихъ лекарствами въ равныхъ болѣзняхъ; въ этихъ заповѣдныхъ тетрадкахъ, крестьянинъ, безмолвно удивляющійся глубокому расчисленію, сколько отсюда до Питера вершковъ, самъ магъ, властелинъ надъ всѣми стихіями.

(1) Картина эта, по всей вѣроятности, есть произведеніе среднихъ вѣковъ, когда въ Европѣ господствовала мысль о свѣтопреставленіи. А. Х.

Для того, чтобъ крестьянина не могла коснуться нечистая сила, онъ носитъ съ собою траву «дудрявый кягиль»; если онъ утромъ съѣстъ ее на *тощое сердце* (на-тощакъ), то въ тотъ день не боится никакой порчи; если онъ пойдетъ въ пирь и корень этой травы будетъ держать въ волосахъ, «въ пиру всѣ полюбятъ его и онъ будетъ принятъ съ почетомъ».

Какая-то трава «рахель», по описаніямъ здѣшнихъ травовѣдовъ, толстая и мохнатая, высушенная, растолченная и съ муравьями выпитая на тощое сердце, спасаетъ человѣка отъ запоя; эта же трава полезна для мора сверчковъ и таракановъ: «лишь принеси въ избу, да покурь, переведутся». Впрочемъ, какъ видно, эта трава не совсѣмъ дѣйствительное средство противъ таракановъ: сами травовѣды, съ наступленіемъ осеннихъ морозовъ, оставя двери и окна полными, перебираются къ сосѣдямъ и морозятъ этихъ докучныхъ и вредныхъ наѣдокъ. Кстати о тараканахъ: если здѣшнему мужику заползетъ въ ухо тараканъ, что здѣсь весьма-обыкновенно, онъ равнодушно, на двѣ хлѣбальныя (столовыя) ложки кладетъ золотника три поваренной соли, смѣшиваетъ и льетъ это въ ухо: «онъ уходится тамъ, мы такъ вѣкъ пособляемся!» отвѣтитъ онъ на ваши предостереженія, претерпѣвая острую и мучительную боль въ головѣ вообще и во внутренности уха въ особенности. Случается, что на другой день отецъ несчастнаго дѣлаетъ въ слезахъ гробъ сыну и на вопросы сосѣдей: «отъ-чего?» отвѣчаетъ: «тараканъ, братаны, парню въ ухо загѣлъ; и солью съ квасомъ пособляли: не могли ничего упакать, уходилъ, пропалъ!»

— Что будешь, отвѣтятъ сосѣди: — подь Богомъ ходимъ, Божья власть, больше Бога не быть, — и расходятся по своимъ работамъ; развѣ дорогой перемолвятся: «а работный дѣтина былъ, жаль, право; ну, да что говорить, не теперъ сказано: на прятчу не положися!»

Предохранительнымъ средствомъ отъ

змѣй, скакухъ (лягушекъ) и проч. крестьяне Архангельскаго-Уѣзда считаютъ траву *перенокъ*; вотъ какъ они ее описываютъ: «ростомъ мала, собой темна, цвѣтъ (цвѣтки) вѣронъ, а какъ отцвѣтеть, бываютъ на ней стручки, а въ нихъ сѣмя, а корень у нее, какъ человѣкъ (?)». Если этой травы положить въ головы спящему человѣку, то онъ проспится хоть цѣлый день; замѣчательно, что подобное наркотическое свойство приписываютъ только одной этой травѣ. Если сѣмя этой травы взять въ ротъ и идти въ воду—вода разступится.

«Есть трава лапушникъ, растетъ по берегамъ рѣкъ, по пескамъ-сыпунаитъ; парь его въ запечатлѣнномъ горшкѣ и той травой съ водою трись, на уравъ вельми добро.»

«Морковь огородную кто при себѣ имѣтъ, тотъ не боится всякаго ползущаго гада и звѣря.»

Для перевода клоповъ и таракановъ здѣшніе знахари совѣтуютъ жечь въ печкѣ съ сырыми дровами обыкновенный багульникъ, разумѣется, закрывъ печную трубу и послѣ вышедъ изъ избы.

Къ ранѣ, причиненной бѣшеною собакою, совѣтуютъ прикладывать жеванныя пшеничныя зерна. Этотъ совѣтъ достоинъ вниманія.

Нечистый духъ, по мнѣнію здѣшнихъ травовѣдовъ, боится не одного ладана: кто при себѣ носитъ чертополохъ, того онъ не посмѣетъ коснуться.

Дикое мясо, вырастающее въ язвахъ, истребляетъ жженный хрѣтъ, присыпаемый къ нему; отъ этого недуга знахари считаютъ не менѣе полезнымъ сокъ сырой рѣпы. Этотъ сокъ «зело угоденъ на всячину: живить рану»; вода, въ которой варилася рѣпа, самое дѣйствительное средство противъ сухаго кашля: пить утромъ на тощакъ по три пивныя чашки теплой (каждая вмѣстимостію равна 1½ стаканамъ).

Если хочешь узнать — будетъ ли живъ болящій, положи ему межъ ножныхъ перстовъ кусокъ хлѣба, поманѣ (подождавъ) вынь и брось собакѣ: ес-

ли будетъ ѣсть — больной встанетъ, дру́гомя—ладъ гробъ.»

Нервные и простудныя болѣзни, также горячки (здѣсь болѣзни сердца) лечатъ отваромъ травы «мачихино лице»; она растетъ по сѣнокосамъ, имѣетъ листки формою конскому копыту подобныя, корень цвѣта чернаго. Эту траву парятъ въ закупоренномъ горшкѣ—и пьютъ на тощакъ. «Какъ змя уѣсть приложъ въ язву этой травы—вельми добро.»

Дикая рябина, или девятибратъ имѣетъ цвѣтки желтые, растетъ по межамъ (2). Корень этой травы парятъ въ водѣ и пьютъ на тощакъ «съ ковшикъ мѣста тѣ, кои *пучнутъ* (вѣроятно одержимыя воляной)»; а словѣтъ (3) та болѣзнь красная; смерть отъ той болѣзни бываетъ многимъ людемъ.»

Василистина трава, вышиною около 2 ф., растетъ по межамъ; весьма полезна въ горловыхъ болѣзняхъ: ее должно парить въ водѣ и пить теплый отваръ въ достаточномъ количествѣ, послѣ чего лечь подъ теплую закутку и ждать выздоровленія; самъ я излечился отваромъ «василистиной травы» отъ ужаснѣйшей простуты горла: ни припарки, ни ванны, ни что не помогаю; отваръ василистиной травы снялъ болѣзнь, какъ рукой. Употребленіе этой травы между крестьянами Архангельскаго Уѣзда—всеобщее. Говорятъ, что эта трава полезна для излеченія грыжъ.

Язву, происшедшую отъ ужаленія зми, совѣтуютъ примачивать крѣпкимъ отваромъ травы «росинца»; трава эта растетъ на моховыхъ болотахъ, высотой около 7 сажимовъ, цвѣтки имѣетъ бѣлые, листья у корня красноватые, въ срединѣ же стебля зеленые. «Трава у рыбной ловли вельми приго-

(2) Межи—это весьма-узенькія, пустыя полоски въ сплошныхъ поляхъ, отдѣляющія пахоту одного владѣльца отъ пахоты другаго. А. Х.

(3) Нач. слово; слыветъ. Не правильнѣе ли писать—словѣтъ? А. Х.

дна: кури ею неводъ, или третую въ кому зашей и привязывай къ неводу или къ сѣти, и рыба безбоязно пойдетъ въ твой заводъ.»

«Есть трава «осотъ», вельми добра; «кто знаетъ ее и тотъ великъ талантъ «приобрѣщетъ на земли, листья у ней, «что денежки, высота въ пядь, цвѣтъ «на ней разный, всякій, а растетъ она «по сильнымъ мѣстамъ *раменскимъ* (?); «та трава иному покажется, а иному «не покажется: ту траву добро держати торговому человѣку, или кто «хочетъ богатъ быти. Ту траву носи «при себѣ, много добра приобрѣщешь «и отъ людей честенъ будешь, и во «всякихъ ремеслахъ поищеть ты Богъ, «и съ великою славою вознесешь на «земли: корень ея такъ свѣтелъ какъ «воскъ, и растетъ она при моряхъ, а именуется—*царь во травахъ*».

«Есть трава, находить «на купальни-цу», только ростомъ низка, растетъ съ лапочками, съ *порозною засыпью* (вѣроятно съ зубчатыми окружностями листовъ); корень этой травы всякія грыжи въ человѣкѣ заморяетъ.»

«Есть трава «кавыка» ростомъ въ человѣка, а по ней, что иглы, а растетъ она по пахатнымъ землямъ; ту траву во всякой храниѣ добро держать. Когда животное вертится, по той травы корень вложи скоту въ ухо, или къ голловѣ къ рогу привязни: отойдетъ нечистый духъ.»

Крестьяне-мнительные мужья наши средство испытывать вѣрность женъ своихъ: спрашивая ихъ же самихъ объ этомъ; средство это состоитъ вотъ въ чемъ: нужно найти траву, которую здѣшніе знахари называютъ «ясна», растетъ кусточками: маленька, синенька, по землѣ разстилается. Положить стебель этой травы женѣ въ головы и—секретъ открытъ, мужъ или обрадованъ, или вѣдѣшенъ: она все скажетъ: что бывало что на тебя мыслить, а положи не просто (4).

(4) Этими загадочными буквами кончается статья. А. Х.

Въ закупоренной на глухо и поставленной на теплую печь бутылкѣ, морятъ шуровъ и образовавшюся въ бутылкѣ густою жидкостью, весьма острою, называемою шуровымъ масломъ, мажутъ больные глаза. Нужно ли прибавлять, какъ гибельно бываетъ подобное леченіе? Этою же жидкостью здѣшніе знахари мажутъ наружныя сыпи: чесотку и другія и говорятъ, съ пользою. Говорятъ, что эта же мазь употребляется съ пользою въ застарѣлыхъ сифилитическихъ болѣзняхъ, которыя, къ несчастію, и здѣсь, на сѣверѣ, между простымъ народомъ дѣлаются извѣстны.

Младенцевъ, которые не спятъ по ночамъ, окуриваютъ въ зыбкахъ высушенной головой куницы.

Въ простудныхъ лихорадкахъ носить на шеяхъ сухихъ летучихъ мышей.

Отъ эпидемическихъ болѣзней, крестьяне, надъ воротами домовъ, какъ предохранительное средство, привѣшиваютъ хребтовья кости щукъ.

Если куры по какой-либо причинѣ не кладутъ яицъ, опытная хозяйка-обрядиха курить на шесткѣ хлѣбными отрубями (мучными), посыпая на нихъ поврежденнаго золы.

Прежде нежели начать мужикъ, при постройкѣ дома, класть основныя бревна, онъ закапываетъ въ землю, противъ того мѣста, гдѣ будетъ *кутъ* (5), большой уголъ, нѣсколько денегъ и

(5) Слово *кутать* — укрывать что-либо отъ вліянія постороннихъ тѣлъ, происходить, по-моему, отъ слова *кутъ* — конецъ, окончаніе чего-либо; такъ въ заливахъ концы ихъ называются *кутами*, въ избѣ всякій изъ четырехъ угловъ назывался *кутомъ*, и здѣсь *кутъ* — конецъ пространства избы, ограниченнаго четырьмя отвѣсными стѣнами соединенными въ углахъ. Между вологодскими пѣснями я встрѣчалъ:

«Ты садиско, нашъ сватушко,
«Ты садисъ въ большой уголъ,

ячменныхъ зеренъ, вѣроятно для того, чтобъ въ новопостроенномъ домѣ не переводились деньги и хлѣбъ; затѣмъ приносятъ пѣтуха: если онъ пропоетъ на новосельѣ — счастье, въ противномъ случаѣ — горе. Нужно прибавить, что здѣсь не имѣютъ обыкновенія по какимъ то предубѣжденіямъ, начинать постройку избы въ ущербъ мѣсяца.

Крестьяне Шенкурскаго Уѣзда рассказываютъ, что человекъ, съѣвъ сырое сердце вѣрова, получаетъ способность видѣть клады и вообще сокровища, скрытыя въ землѣ. Эту же способность пріобрѣтаетъ тотъ, кто, поймавъ какую то *большую змью* (?) и убивъ ее, саломъ ея вымажетъ свои глаза; въ народѣ зовутъ ее: «всѣмъ змѣямъ-змѣя».

Живетъ она постоянно окруженная безчисленнымъ множествомъ обыкновенныхъ змѣй, которыя покорны ей.

Если между мужемъ и женой нѣтъ согласія, долженъ кто-либо изъ соорившихся нарвать цвѣтковъ «царевы очи» и принести ихъ въ домъ: сварливая и вздорная хозяйка мгновенно сдѣлается доброю и послувною. Если охотникъ-промышленникъ отправится на промыслы, онъ беретъ съ собою нѣкоторое количество этой травы, и тогда онъ не боится ни медвѣдей, ни змѣй. Эта трава растетъ на борovýchъ возвышенностяхъ, вышиною ея 2 дюйма, цвѣтки имѣетъ темномалиновые, употребляется также крестьянами въ глазныхъ болѣзняхъ.

Если подъ поломъ крестьянской избы находится осье гнѣздо, то это мужикъ считаетъ для дома добрымъ предзнаменованіемъ, начаткомъ счастья, и если всѣ въ домѣ будутъ перешаганы осами, они ни за что не захотятъ истребить гнѣзда осье, боясь накликать этимъ несчастіе.

«Въ большой уголъ, въ *кутъ* на лавицу (*). А. Х.

(*) Должно замѣтить, что въ Вологдѣ слову *кутъ* не придаютъ никакого значенія; первоначальный смыслъ этого слова между Вологжанами потерявъ. А. Х.

Утонувшій мужчина плыветъ, обыкновенно по теченію рѣки ницъ, женщина, какъ, извѣстно, плыветъ лицомъ вверхъ. Если кто-либо увидитъ утопленника, плывущаго вверхъ лицомъ, или утопленницу, плывущую ницъ, что также случается, то онъ, ограждая крестомъ, спѣшитъ удалиться отъ того мѣста, твердо увѣренный, что видѣлъ утонувшаго *еретика*-колдуна, или *еретицу*-колдунью. Если кто-либо, по незнанію, соблазнится новыми сапогами утонувшаго, то онъ долженъ въ продолженіи двѣнадцати ночей упрощивать безпокойнаго покойника отпустить ему вину его, потому что ограбленный въ-продолженіе 12 ночей будетъ безпокоить вора.

Ни одинъ праздникъ въ году крестьяне Архангельскаго-Уѣзда не проводятъ такъ весело, какъ праздникъ Рождества и слѣдующіе за нимъ. Въ эти праздники мужикъ не дорожитъ поптовою копейкою и при общемъ весельѣ самый бѣдный для складчины несетъ свою послѣднюю гривну: «богаты не будемъ, а сыты будемъ!» отвѣчаетъ онъ товарищамъ, упрекаящимъ его въ непомѣрной роскоши.

Въ корь ли, или въ похвалу крестьянъ здѣшняго уѣзда ружью замѣтитъ, что они гораздо равнодушнѣе крестьянъ Шенкурскаго-Уѣзда встрѣчаютъ и проводятъ торжественные праздники, называемые въ Шенкурскомъ-Уѣздѣ *пивными* (нач. пиво). Здѣсь, въ Архангельскомъ-Уѣздѣ, нѣтъ тѣхъ хлѣбосольныхъ, единодушныхъ собраний, какія вы встрѣтите въ Шенкурскомъ, гдѣ и богатый и бѣдный гость съ равнымъ заботливымъ вниманіемъ угощаются хлѣбосолами-хозяевами. Здѣсь бѣдный мужикъ расчитываетъ безденежно повеселиться у свата, кума и—только; тамъ прохожаго нищаго, безсрочно-отпускнаго солдата насильно втаскиваютъ въ избу и поятъ, кормятъ, какъ роднаго; вообще о праздничныхъ весельяхъ крестьянъ этихъ двухъ уѣздовъ можно съ достовѣрностію сказать, что въ первомъ преобладаетъ расчетъ, во второмъ ра-

душіе. Въ Шенкурскомъ-Уѣздѣ «несбсивые прихлебатели» бранять мужика, если онъ, спивъ на убой, до положенія какъ говорятъ, недостаточно опрѣвить, опохмѣлить ихъ на другой день; здѣсь хвалятъ и превозносятъ щедрого мужика въ праздникъ подавшаго собратамъ *по три стакана* пива. Дистанція огромнаго размѣра. — Наступилъ праздникъ.

Вечеромъ, на другой день праздника, дѣвки, надѣвъ праздничные уборы, идутъ въ болѣе просторную въ деревнѣ избу и тутъ-то начинаются у нихъ такъ называемыя вечеринки. Попрошу читающаго войти со мною, бывальцемъ, въ освѣщенную избу; мы не обманемся; въ ней должна быть вечеринка: мальчишки стоятъ подъ окнами, слушающіе пѣсни, расцѣвляемыя въ избѣ; двѣ пары порожнихъ саней стоятъ у крыльца: это пріѣхали изъ другой деревни повѣщенные или дѣвки, или ребята на вечеринку.

Вы спрашиваете, для чего такая роскошь между мужиками: пять свѣчей горитъ въ одной горницѣ? Это маленькая прихоть дѣвушекъ. Вы поняли, какъ выгоденъ этотъ яркій свѣтъ пяти свѣчей для ихъ парчевыхъ нарядовъ и широкихъ, золотыхъ (не мишурныхъ, *лучше никакихъ*, чѣмъ мишурныхъ) позументовъ, нашиваемыхъ на подолаы сарафановъ. Эти блестящія повязки (6), не много смѣшныя для васъ, новичка, сшиты изъ чистаго золота; какъ много блеска потеряютъ онѣ, если изъ пяти зажженныхъ свѣчей потушить четыре; вы спросите; кто принимаетъ на себя довольно чувствительныя издержки этихъ вечеринокъ? Издержки эти берутъ на себя дѣвушки: на деньги, выручаемыя христовствомъ, покупаютъ онѣ свѣчей, сахара, чая и *мелкихъ* (кедровыхъ) орѣховъ (любимое лакомство здѣшнихъ дѣ-

(6) Имѣютъ форму киверовъ безъ дна, къ концу значительно суженныхъ; шьются изъ дорогой, золотой парчи, украшаются жемчугомъ. Дешевая повязка цѣнится не менѣе 40 рубл. А. Х.

виць). Денегъ, которыя онѣ соберутъ такимъ образомъ, бываетъ очень достаточно для того, чтобъ слѣзть въ праздники двѣ, три вечеринки *съ угощеньемъ*, т. е. съ чаемъ и кедровыми орѣхами.

Толстая дѣвка, сидящая *въ кутѣ*, — старшая дочь хозяина дома; уважая ее, какъ хозяйку, *большуюху* между собою, дѣвушки постоянно садятъ ее въ большой уголъ. Посмотрите на дѣвушку, она сидитъ на послѣднемъ мѣстѣ: на такое бѣдное платье она навѣсила и нашла столько жемчуга, что онъ окупилъ бы десять, двадцать такихъ нарядовъ; не удивляйтесь, — эта небогатая дѣвушка, дочь сосѣда, не желая показаться одѣтою хуже другихъ, заняла на вечеръ жемчугъ у одной замужней женщины и за эту прихоть она заплатитъ недѣлю тяжелой работы на щедрую крестьянку.

Дѣвки сидятъ смиренно и зорко посматриваютъ въ окна: онѣ ждутъ ребятъ изъ деревни, имъ скучно; вечеринка только началась и никого еще нѣтъ изъ мужчинъ. Толстая дѣвка, *большуха* начинаетъ повышать тонъ пѣсни какъ будто этимъ хочетъ завзвать проходящихъ по улицѣ мужиковъ; десять или болѣе голосовъ дружно вторятъ ей:

«Холостой ли голубчикъ
На бесѣды сидѣть ходитъ;
Онъ садится противъ дѣвки,
На дубовую скамейку;
Онъ пошутитъ, поиграетъ,
Въ шуткахъ дѣвку поцалуетъ;
Онъ домой придетъ, спать ляжетъ,
Родной матушкѣ расскажетъ.
А женатый, воръ проклятый,
На бесѣды сидѣть ходитъ:
Онъ садится противъ дѣвки,
На дубовую скамейку;
Онъ пошутитъ, поиграетъ,
Въ шуткахъ дѣвку поцалуетъ;
Онъ домой придетъ, спать ляжетъ,
Молодой женѣ расскажетъ.
У него жена Агафья,
Съ кѣмъ сойдется, съ тѣмъ сойметъ-ся (7).

Съ кѣмъ увидится, — бранится,
Передъ дѣвушкой корится...

Пѣсня спѣта, — въ избѣ ни одного парня: снова, еще громче, раздается пѣсня дѣвокъ:

«Ужь и что жь экой за мѣсяцъ, —
Печетъ (8) ночью, днемъ и вѣтъ,
Ужь и что жь экой за миленькой,
Лѣтомъ ходитъ, зимой вѣтъ.
Онъ по то (затѣмъ, для того) зимой не
ходитъ,

Зимой холодно ходитъ:
У милаго шубы нѣтъ,
Безъ подошвъ сапоги,
Безъ подошвъ, безъ подборовъ,
Приначишены верхи.
Ты сходи-ко, милъ, на рынокъ,
Купи шубу, сапоги...

На высокой, крутой дѣстницѣ застучали каблуками, дверь съ шумомъ отворилась и — толпа ребятъ и мужиковъ, съ завѣшенными лицами, вбѣжала въ избу.

Дѣвки, прежде шептавшіяся между собою, теперь сидятъ чинно: каждая изъ нихъ въ толпѣ мужиковъ старается угадать того, кого ждала такъ нетерпѣливо. Вечеринка открывается хозяйкою, *большухою*; посмотрите, какъ она зорко смотритъ въ толпу мужиковъ; счастливецъ узнавъ и она смѣло подходитъ къ нему, кланяется чуть не въ поясъ: это приглашеніе. Пригласивъ его поклономъ, она садится на свое мѣсто, а приглашенный подходитъ къ ней, кланяется, не показывая лица, беретъ ее за руки и пачинають вмѣстѣ кружиться; дѣвушки поютъ:

«Еще завтра овинъ молотить,
Такъ-такъ-такъ молотить (Этотъ при-
пѣвъ повторяется послѣ каждой строки).
Жалко женушку будить:

кѣмъ сойдется, съ тѣмъ сойметъся браниться или драться.

(7) Крестьяне говорятъ: «анъ съ кѣмъ сойдется, съ тѣмъ и сойметъся», т. е. съ

(8) Вмѣсто: свѣтитъ, постоянно говорятъ — *печѣтъ*. Эту пѣсню поютъ также низовые волжскіе бурлаки.

Спи моя женушка, подружка,
Натко въ головы подушка,
Спи моя милая, дорогая,—
Натко въ головы другая;
У насъ на гумешкѣ немощко,
Немного на гумешкѣ веселенько!

Мужики поютъ:

Играйте, дѣвицы, хорошенько,
Красавицы, смѣлаѣ, веселѣ!

Молодой парень изъ толпы мужиковъ подходитъ съ завѣшеннымъ (9) лицомъ къ одной изъ дѣвушекъ и кланяется ей; мужики поютъ:

«Ты дѣвица, красавица моя,
Черноброва, черноглаза сухота!
Ты разбѣяла печаль по очамъ,
Ты заставила ходить по ночамъ,
По ночамъ-ночамъ, по темнымъ вечерамъ.

Не одинъ я разъ ко дѣвицѣ ходилъ,—
Не одинъ я синь кафтанчикъ износилъ,
Трои сапоги съ колодочки сносилъ:
До тебя, до пригожей, доступалъ!
Ты пойдемъ ли, дѣвка, замужъ за меня?

Дѣвушки поютъ:

— Я нейду, нейду, не думала идти,
Чула, слышала я слово про тебя,
Про тебя слава не очень хороша:
Съ кабака идешь— шатаешься,
Но грязямъ идешь— валяешься!

Мужики поютъ:

«Ты одна дочка у батюшки выросла,
Одинешенька у матушки слыла,
Тяжелешенько не рабливала (нач. рд-бить),

По ключъ по воду не хаживала,
Со ключа воды не нашивала!»

(Парень, до-сихъ-поръ кланявшійся, оборачивается къ дѣвкѣ задомъ и идетъ прочь; она держитъ его при пѣсняхъ дѣвушекъ):

— Встань, чернецъ, люли, люли,
Встань, улаый молодець, люли, люли,
Встань, часы, говорить, люли, люли!

Парень съ дѣвкою пляшутъ; хоръ мужиковъ и дѣвокъ.

(9) Всѣ мужики на вечеринкахъ должны выбирать дѣвушекъ занавѣсивши платками лица; эта скрытность продолжается отъ Рождества и до Крещенья.

А. Х.

« Намъ проснуться пора, люли, люли,
Пробудиться пора,
Поиграти пора:
Поломать костей,
Ради васъ, гостей,
Ради красной дѣвицы,
Ради добра молодца, люли, люли!

За тѣмъ парень и дѣвка раскланиваются и расходятся по своимъ мѣстамъ; наступила очередь другихъ; играща продолжаютъ: холостой мужикъ выходитъ изъ толпы на средину избы и кланяется дѣвушкамъ; тѣ поютъ:

«Бѣкала кума, люли, люли,
Изъ-за кумова двора,
Сочинилася бѣда:
Поломилася дуга,
Дуга точеная,
Позолоченная,
Сорвалися гужи,—
Гужи шелковые!
Мой отъ муженекъ
За охотою ходилъ,—
Сѣрыхъ уточекъ ловить:
Изловилъ лунка (?),
Лунка сизенькаго.
Ужъ ты, лунокъ, луночекъ,
Лунокъ, сизой голубокъ!
Право крылышко расправь,—
Вспорхнись полети:
Кого хопъ, того возми!» (Послѣ всякой строки: «люли, люли!»).

Мужикъ подходитъ къ одной изъ дѣвокъ и кланяется ей; та отвѣчаетъ тѣмъ же; потомъ они берутся руками и начинаютъ кружиться подъ складъ пѣсни дѣвушекъ:

«Ужъ я по полу хожу, таки хожу, люли, люли,
Я на милаго гляжу, таки гляжу!
Я не знаю, къ чему дружка примѣнить?
Примѣню я дружка къ жемчужку:
Жемчужечекъ дорогой, дорогой,
Мой миленькій часовой, не въковой!»

(Обнимаются; дѣвушки поютъ):

«Ужъ я по полу хожу, таки хожу, люли, люли,

Я на милаго гляжу, таки гляжу,
Я не знаю, къ чему дружка примѣнить?
Примѣню я мила дружка къ перстеньку:
Перстенецекъ на рукѣ, на рукѣ,—
Мой миленькій на умѣ, на умѣ!»

(Обнимаются; дѣвушки продолжаютъ):

«Ужь я по полу хожу, таки хожу, лю-
ли, люли,

Я на милаго гляжу, таки гляжу, люли,
Я не знаю, къ чему дружка примѣнить?
Примѣню дружка милова къ соколку:
Соколочекъ летовой, лотовой (нач. ле-
татъ)

Мой миленькій вѣковой, не часовой!»

Мужикъ обнимаетъ и цалуетъ дѣв-
ку, воображаясь, впрочемъ, съ распо-
ложеніемъ дѣвокъ къ подобнымъ воль-
ностямъ, а тѣмъ раскланиваются и рас-
ходятся).

Одинъ изъ среды мужиковъ подхо-
дитъ къ дѣвкамъ и кланяется; тѣ по-
ютъ:

«Не скачи, соболю, по улицѣ,
Не скачи, соболю, по широкой:
Скачь, поскачь, соболю, въ новой гор-
ницѣ!

Выбирай себѣ дружинушку,
Выбирай себѣ хорошую:
Дружина, милъ сердечный другъ!»

Мужикъ выводитъ одну изъ дѣвокъ
на средину избы, оба стоятъ и ждутъ
продолженія пѣсни; дѣвки запѣва-
ютъ:

«Еще вотъ моя дружиночка,
Еще вотъ моя хорошая:
Дружина, милъ сердечный другъ!
Походить-было съ дружиночкой,
Начинаютъ ходить рука съ рукой.
Погулять, было, съ хорошею:
Дружина, милъ сердечный другъ!
Пріоханемся (10) съ дружиночкой, (об-
нимаются)

Пріоханемся съ хорошею:
Дружина, милъ, сердечный другъ!
Обоймемся со дружиночкой,
Обоймемся со хорошею;
Дружина, милъ, сердечный другъ!
Поцалуемся съ дружиночкой,
Поцалуемся съ хорошею (цалуются):
Дружина, милъ, сердечный другъ!
Распростимся мы съ дружиночкой,
Распростимся со хорошею;
Ты прощай, прощай, дружиночка,
Ты прощай, прощай, хорошая:
Дружина, милъ, сердечный другъ!» (Ра-
сходятся по мѣстамъ).

(10) *Охануться*—отъ охалка,—обнимать-
я, *ожиматься*.

Изъ толпы выходить холостой (11)
мужикъ и кланяется одной изъ дѣву-
шекъ: мужики поютъ:

«Не тропка (тропа) трѣнится,
Не избушка топится:
Идетъ донской казакъ,—
Незнай Незнамовичъ,
Удалой, добрый молодецъ,
Приходилъ подь окошечко,
Говорилъ словечушко:

Стоящій около дѣвокъ мужикъ при-
стаетъ къ хору и кланяется дѣвушкамъ:

Дѣвица, душечка,
Красавица, голубушка!
Отворь окошечко,
Прійми подарочекъ:
Московский пряничекъ:
Въ рубль съ полтиною,
Съ четырьмя колечушками,
Съ поддесяткомъ словечушками!»

Хоръ мужиковъ умолкаетъ; дѣвки
поютъ, обращаясь къ мужику:

«Тула, сюда голубокъ,
Сюда, миленькій дружокъ!
Чѣмъ иную обнимать,—
Меня не забывать! (12).

Мужикъ беретъ за руки приглаша-
емую и сдѣлавъ съ нею нѣсколько
круговъ по избѣ, садитъ ее на преж-
нее мѣсто.

Повторяя эти и другія пѣсни, они
продолжаютъ игры до-тѣхъ-поръ, по-
ка въ подсвѣчникахъ не догорятъ свѣ-
чи, или не развѣтеть; тогда, по необ-
ходимости, они расходятся, предвари-
тельно стакнувшись: въ чьемъ домѣ си-
дѣтъ слѣдующую вечеринку или зав-
трашнюю *бесѣду*, *бесѣдку*.

Я говорилъ о вечеринкахъ; скажу
теперь нѣсколько словъ о бесѣдахъ.

(11) Женатыя здѣсь не ходятъ на ве-
черинки, или, правильнѣе, не участвуютъ
въ играхъ. А. Х.

(12) Быть можетъ, замѣтятъ читатели,
что въ этихъ народныхъ пѣсняхъ встрѣ-
чаются иногда слова, совсѣмъ не народ-
ныя. Что жъ дѣлать? Эти пѣсни списы-
валъ я въ деревняхъ, отстоящихъ отъ го-
рода не далѣе 5 верстъ. Нужно ли при-
бавлять, какъ сглаживаетъ, уничтожаетъ
близость многолюдныхъ городовъ все на-
родное. Х.

Въ восемь или девять часовъ утра собираются дѣвки, въ праздникъ безъ дѣла, а въ будни съ какою-нибудь работой, въ одну избу и тамъ «сидятъ бесѣду»: работаютъ, распѣвая пѣсни, въ праздники же играютъ и пляшутъ. Подобныя сборища дѣвокъ никогда не бываютъ безъ мужиковъ, а потому и будничная работа у дѣвокъ подается изъ рукъ-вонъ плохо: мужики изобрѣтаютъ разныя продѣлки для того, чтобъ на бесѣдѣ, гдѣ нужно плясать и играть, отвлечь прилежныхъ дѣвушекъ отъ работы: они прячутъ прялки дѣвокъ, ломаютъ концы веретень, и пр., чѣмъ, правду сказать, дѣвушки не слишкомъ обижаются, онѣ даже ждутъ и желаютъ этихъ выходовъ: «что веселаго сидѣть съ молодыми ребятами за работой; всего не переробить, послѣ насъ останется! У Бога день не рѣшето!» (13), говорить непреклонныя и нужно ли прибавлять, что всѣ эти шашни: сломанные концы веретень и др., искусно скрываютъ они отъ своихъ родителей. Здѣсь рассказываютъ про одинъ очень-забавный закладъ, стѣющій, по оригинальности, любаго англійскаго. Одинъ изъ мужиковъ побился объ закладъ съ другими въ томъ, что онъ непременно къ вечеру привезетъ съ собою девяносто тупыхъ концевъ старыхъ, подержанныхъ веретень; въ случаѣ неуспѣха, онъ обѣщалъ мужику купить четверть ведра вина. Теперь вопросъ: гдѣ онъ достанетъ (по здѣшнему *разбудется*) такое число веретень? Мужикъ не задумался: онъ ослѣдла лошадь, метнулся на нее и — слѣдъ простылъ.

Вечеромъ, полухмѣльной, пріѣзжаетъ онъ къ товарищу по закладу, выворачиваетъ на изнанку карманъ и, показывая ему на разсыпавшіеся отломленные концы подержанныхъ веретень, говоритъ: «на, считай!» Товарищъ сосчиталъ — девяносто! Въ прилатокъ мужикъ высыпалъ изъ шапки

этого же товара еще штукъ двадцать: «на, обирай, получай, съ походомъ!» прибавилъ онъ. — Гдѣ ты набралъ такую силу, спросилъ проигравшій закладъ. «Гдѣ набралъ? Показало дѣло, что не въ лавкѣ купилъ, въ десяти деревняхъ на бесѣдахъ былъ, да въ каждой бесѣдѣ того и смекалъ, какъ бы разжиться этимъ добромъ, найдешь своробъ, найдешь и когти!»

Святки, *святѣе*, т. е. время отъ Рождества и до Крещенья включительно, — это самое щекотливое время для деревенской молодежи: дѣвокъ и ребятъ; въ это время общаго веселья завязываются здѣсь почти всѣ свадьбы: засылщики и засылщицы (сваты и свахи) бѣгаютъ взадъ и впередъ, снуютъ по улицамъ съ утра до ночи; зрѣлыя дѣвушки обвѣшиваются чужимъ жемчугомъ, взятымъ на прокатъ и хвалятся своимъ житьемъ передъ женихами. Въ это время какъ дѣвки, такъ и ребята наперерывъ одни передъ другими, гадаютъ, стараясь, всякъ на свой пай, прочесть страничку изъ этой скрытой книги, которую зовутъ книгою судьбы. Прочти способности гаданій здѣшней молодежи.

Мать дѣвушки-невѣсты желаетъ узнать, скоро ли дочь ея выйдетъ замужъ. Родительская нѣжность изобрѣтательна; мать невѣсты завязываетъ накрѣпко дочери глаза, а отецъ опрокидываетъ къверху дномъ квашню и ставитъ ее на средину избы (14). Мать водитъ дочь взадъ и впередъ по избѣ; искрестивъ по всѣмъ возможнымъ направленіямъ маленькую горенку, чадолюбивая родительница сажаетъ одурѣвшую отъ головокруженія дочь на квашню и — вотъ ми-

(14) Слово изба у здѣшнихъ крестьянъ имѣетъ двойное значеніе; въ первомъ смыслѣ слова изба употребляется, какъ отдѣльное строеніе, крестьянскій домъ съ дворомъ; другой смыслъ слова изба — горница, покой, въ которомъ живутъ. «Чего не выдашь въ сѣняхъ, пошелъ въ избу». Горницею называютъ здѣсь покой, огрѣваемый голландскою печью. А. Х.

(13) Слово рѣшето употреблено здѣсь, какъ мѣра вмѣстимости. А. Х.

нута, которая открываетъ будущее! «Вставай, дитятко, да поди къ двери или въ кутъ!» сказала обращаясь къ ней мать. Дѣвушка, съ завязанными глазами ходившая по избѣ, не знающая, гдѣ теперь въ отношеніи къ ней находятся двери и окна, встаетъ, и напрыгаясь угадать въ которой сторонѣ двери, идетъ куда-нибудь на удачу. Если случай приведетъ ее въ большой уголъ, или къ дверямъ, — счастье: она до великаго поста выйдетъ замужъ; если же она подойдетъ къ печкѣ, тогда родители опечалены: круглый годъ въ семьѣ однимъ *подкомомъ* больше, при чемъ, конечно, и хлѣба покупать придется больше.

Вы спросите: почему, если дѣвка подойдетъ къ образамъ или къ двери, родители будутъ считать ее невѣстой и, напротивъ, если подойдетъ къ печкѣ, дѣвкой, или, какъ они выражаются: *лишнимъ подкомомъ*? Во всѣхъ здѣшнихъ гаданіяхъ образа, или большой уголъ, вѣщаютъ счастье, т. е. свадьбу, вѣроятно потому что родители необходимо должны при женитьбѣ достать для благословенія дочери изъ *кута* или *большаго угла* образъ; двери же здѣсь вѣщаютъ дорогу. Что же касается до того, что дѣвка съ завязанными глазами, подошедъ къ печкѣ, будетъ круглый годъ въ семьѣ лишнимъ *блокомъ*, т. е. дѣвкой, то и эта догадка имѣетъ у нихъ свою законную правоту: дѣвку, вставшую съ квашни, сульба ведетъ на старое мѣсто, т. е. на то мѣсто, которое она занимала прежде, помогая матери въ ея домашней странѣ.

Дѣвушка, желающая узнать, выйдетъ ли она въ теченіе наступившаго года замужъ, выходитъ на крыльцо и всюю силою руки бросаетъ въ ворота дугу: если брошенная дуга уголитъ въ ворота концами или однимъ изъ нихъ, рѣшено. — дѣвка въ теченіе года выйдетъ замужъ; если же она ударится о ворота пластью или ребромъ изгиба, тогда дѣвка отчаевается выйти замужъ въ теченіе года, считая отъ святокъ до святокъ.

Мать, желающая расковать дочерей-

невѣсть по женихамъ, днемъ выносить изъ избы на дворъ большую кучу сора; на дворѣ его раскладываетъ по кучамъ; число кучъ должно равняться числу дочерей. Каждая изъ трехъ кучекъ въ ея умѣ носить имя одной изъ ея дочерей: эта кучка — Настасья, эта — Марья. Послѣ всего этого она глядитъ: на какую кучку скорѣе прилетитъ ворона; если кучка, носящая имя Марьи скорѣе своихъ подругъ дождется этой чести, то и дочь гадающей — Марья выйдетъ замужъ прежде своихъ сестеръ.

Лошади на морду наволакиваютъ мѣшокъ и садятъ на нее дѣвку, лицомъ къ хвосту: если лошадь, *понужаемая* дѣвкой, пойдетъ со двора — скоро быть свадьбѣ; напротивъ, если она пойдетъ во внутренность двора, дѣвка до будущихъ святокъ будетъ сидѣть дѣвкой.

Ночью на новый годъ дѣвки наливаютъ деревянныя, хлебальныя ложки до полна водою и оставляютъ ихъ въ продолженіе цѣлой ночи на морозѣ; поутру, чуть свѣтъ, дѣвушки бѣгутъ къ ложкамъ и смотрятъ на замерзшую воду: если поверхность льда въ ложкѣ выпукла — счастье и близкая свадьба, если же вогнута — горе: вогнутая поверхность льда вѣщаетъ могилу.

Дѣвки-засидки (15), гадая о своей участи, садятся — ночью безъ крестовъ, очертясь, — на повѣти и ждутъ, что провѣщаетъ имъ гаданье: строганіе лосокъ, слышавшееся дѣвушкамъ, предсказываетъ смерть, крикъ пѣтуха — свадьбу. Этотъ способъ угадыванія будущаго считаютъ онѣ, сравнительно съ другими способами, страшнымъ, и дѣвушка, гадающая подобнымъ образомъ, *словетъ* смѣлою. Рассказываютъ, что сидящей въ кругу дѣвокъ (кругъ очерчиваютъ ножомъ) кажутся всякія страсти: вотъ вспыхнула въ углу повѣти солома, пламя свиститъ и раз-

(15) Засидки, нач. засидокъ — засидѣвшіяся дѣвки, младшія сверстницы которыхъ уже выданы.

стигается по потолку, вотъ дрогнули подпорные столбы, минута и — потолок рухнетъ на гадающую; если она достаточно смѣла для того, чтобъ усидѣть въ кругу при такихъ страхахъ, кажущійся пожаръ уничтожается и неприятная сила ивообрѣтаетъ другія продѣлки:—полна повѣтъ мужиковъ, всѣ съ топорами... начинаютъ разбирать полъ повѣти, доходить очередь до тѣхъ половицъ, на которыхъ сидитъ гадающая, движеніе и— она полетитъ внизъ къ домашнему скоту; то все бы еще не бѣда, да дворовый вышедшую изъ завѣтнаго круга потянетъ къ себѣ на расправу.

Въ крещенье утромъ, до обѣденъ, дѣвки, положивъ за пазуху по *шань* (16), бѣгають по деревнѣ: по примѣтамъ перваго встрѣтившагося дѣвкѣ мужика она представляетъ себѣ своего суженаго.

Дѣвушка, желающая узнать, въ которой сторонѣ то мѣсто, куда она будетъ выдана, ночью на новый годъ идетъ въ поле и, сгребая снѣгъ, кидаетъ его въ ту сторону, куда влечетъ ее желаніе, *хоть*; послѣ она слушаетъ, съ какой стороны послышится ей собачій лай: если лай раздастся съ той стороны, куда бросила она снѣгъ, — счастье: ей суждено быть за *нимъ*; если же лай раздастся съ противной стороны — горе: вѣчное дѣвство, или, еще хуже, смерть; если собака залаетъ въ одной изъ остальныхъ двухъ сторонъ, то и замужъ ее выдалутъ туда, откуда послышался лай.

Желающій, или желающая узнать судьбу свою, во время крещенской обѣдни, зажигаетъ въ избѣ до пяти и болѣе свѣчей, предварительно снявъ кресты и поясы. Освѣщеніе это должно дѣлать тайнѣ, такъ, чтобъ никто изъ домашнихъ не зналъ не только про освѣщеніе, но и про намѣреніе гадаю-

щаго освѣтить избу подобнымъ образомъ. Когда свѣчи зажжены, гадающій выходитъ на улицу и оттуда смотритъ на освѣщенные окна избы: по извѣстнымъ примѣтамъ они угадываютъ будущее. Нѣкоторые же сказываютъ, что если гадающій сдѣлалъ все, нужное для гаданья, какъ должно, то онъ съ науличья увидитъ въ окнахъ ясно свое будущее.

Ночью, на новый годъ, собирается нѣсколько человекъ безъ крестовъ и поясовъ въ гумно, взявъ съ собою ножъ да парусъ. Всѣ они садятся на средину пола; одинъ изъ присутствующихъ очерчиваетъ около нихъ ножикомъ кругъ и послѣ втыкаетъ ножикъ въ полъ, внѣ черты круга; затѣмъ онъ набрасываетъ на сидящихъ парусъ и самъ садится подъ него. Если сидящіе подъ парусомъ услышатъ въ пустомъ гумнѣ бросаніе и молотьбу споповѣ, то наступающій годъ будетъ урожайный (*выносный*), если же, при бросаніи сноповъ, они не услышатъ молотбы ихъ, то и годъ наступающій будетъ неурожайный (*невыносный, зеленый*) (17). Когда кончится бросаніе сноповъ и молотба, гадающіе выходятъ изъ засады; если же кто-нибудь изъ нихъ со страха не досидитъ подъ парусомъ до окончанія работы духовъ и выскочитъ, чтобъ убѣжать изъ гумна, молотящіе заколятъ его тѣмъ же ножомъ, воткнутымъ внѣ круга, которымъ схоронившіеся очертили около себя магическій кругъ.

Этими и другими гаданьями и играми провожаетъ молодежь здѣшняя *святыя*; старики и вообще пожилые не гадаютъ; они это считаютъ грѣхомъ. Кстати прибавлю, что время, въ которое деревенскія дѣвки испытываютъ на себѣ всѣ эти способы гаданій, есть

(16) *Шанья* мн. *шаньи*, уменьш. *шанька*—лепешки, печенныя изъ ячменной муки, заботанной на молокѣ, а иногда и просто на водѣ; сверху намазанныя сметаной или яйцами.

(17) *Зеленю* здѣшній мужикъ называетъ все не допное, не получившее еще надлежащаго, полнаго развитія; такъ дѣвка 12 и 13 лѣтъ — *зелень*, недошедшій хлѣбъ — *зелень*, бѣлка, не совершенно потерявшая лѣтній, т. е. рыжій цвѣтъ шерсти — *зелень*, и проч. А. Х.

самое разгульное время для ребятъ; въ это время матери и отцы не такъ наблюдательно слѣдятъ за ночными похождениями своихъ чадъ, а дѣвки... да что дѣвки: дѣвки, какъ и нашъ же братъ мужикъ, — хлѣбъ ѣдятъ; оттолковано дѣло, — не съѣмъ сыты. Дѣвушка не травка, вырастетъ не безъ славы! скажу я объ дѣвкахъ словами одного старика.

Съ окончаніемъ крещенскихъ обѣденъ, начинаются здѣсь и гаданія, и шутовскіе наряды. Въ Шенкурскомъ-Уѣздѣ привычка наряжаться, т. е. обѣшиваться разнымъ тряпьемъ, для удовольствія зрителей, издавна вошла въ составъ обыкновенныхъ обычаевъ; здѣсь же наряжаются мало; въ Шенкурскомъ-Уѣздѣ мужикъ наряжается для того, чтобъ въ нарядѣ поскакать на вечеринкѣ; здѣсь же мужикъ нарядится, т. е. завернется въ парусъ или рогожу для того только, чтобъ утромъ пробѣжать по улицѣ, на смѣхъ крещенымъ и на страсть лошадамъ; какъ въ Шенкурскомъ, такъ и въ Архангельскомъ Уѣздахъ крестьянъ не слишкомъ безпокоитъ нарядъ ихъ: первая, попавшаяся на глаза онуча, рогожа, тряпка идетъ въ дѣло у затѣйниковъ.

Не хотите ли посмотреть на крещенское омовеніе крестьянами святочныхъ лурачествъ? На Двинѣ прорубленъ въ сажень длины и аршина въ полтора ширины прорубь, поперегъ проруби брошено нѣсколько жердей, концами лежащихъ на льду: это для того, чтобъ неумѣющіе плавать и нырять, могли дѣлать то и другое, придерживаясь за поперечныя жерди.

Проруби дѣлаютъ постоянно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ рѣка имѣетъ глубины не менѣе полуторы сажени. Толпа молодежи помѣшиваетъ лынными палками ежеминутно замерзающую въ проруби воду; Посмотрите, съ какимъ усиленнымъ вниманіемъ смотрятъ они на дорогу: вѣроятно, они ждутъ кого-нибудь. Морозный воздухъ тяжелъ, душливъ, небо ясно и солнце катится по небу красное, какъ карминъ. Еслибъ я не написалъ прежде про поперечныя

жерди чрезъ прорубь и про то, зачѣмъ онѣ положены, вы бы не смекнули, не догадались бы, зачѣмъ эта прорубь? А это дѣйствительно ванна, купальня русская.

Замѣтили ли вы движеніе въ толпѣ мужиковъ? Вотъ, смотрите: движеніе усиливается: они увидѣли бѣгущаго къ нимъ человека; передъ нимъ разступается толпа, всѣ снимаютъ шапки и крестятся, а прибѣжавшій проворно выливаетъ что-то изъ кружки въ прорубь: это святая вода. Мужики раздѣваются и одинъ за другимъ скачутъ въ прорубь, придерживаясь за жерди; окунувшись раза три-четыре, они одѣваются; нѣкоторые изъ нихъ даже нарочно одѣваются медленно, дабы показать товарищамъ нечувствительность свою къ холоду. Купанье при—30° Реом. на открытомъ воздухѣ! Расскажите про это любому нѣмцу, будто онъ повѣритъ вамъ, а между-тѣмъ, это было, которой я самъ былъ очевидцемъ.

Случилось мнѣ однажды осенью ѣхать на перекладныхъ изъ села Уймы въ Архангельскъ. Осень была холодная и сухая. Вечерѣло. Полоса потухающей зари освѣщала слабымъ полусвѣтомъ предметы; съ одной стороны видѣлся жалкій сосновый лѣсишко, растущій по болотистому грунту берега Двины, съ другой разстилалась голубая поверхность рѣки, отражавшая мѣстами звѣзды, появившіяся на небѣ. Я пріѣхалъ въ Лявлю для перемѣны лошадей: вещи переложены изъ одной телеги въ другую, лошади запряжены, все готово, кромѣ ямщика. «Гдѣ жъ онъ?» спросилъ я у товарища его, толпою стоявшихъ у станціоннаго столба и спорившихъ о водахъ. — Да вотъ съ часъ мѣста здѣсь былъ, ума не приложивъ, куда дѣвался!.. Не успѣли они кончить рѣчи, какъ я увидѣлъ мужика дюжого и краснощекаго, съ окладистой бородой, бѣгущаго въ прыжку къ станціонному дому; на бѣгу онъ расчесывалъ мѣднымъ гребешкомъ, который носятъ они обыкновенно на поясу, мокрые волосы, съ которыхъ струилась вода. Ко-

сой воротъ рубахи былъ разстегнуть и паръ валилъ отъ обнаженной груди, на плечахъ легонькая шубенка, съ родни тому кафтану, о которомъ они же поютъ:

Говорятъ, что на свѣтѣ кафтанъ'отъ бо-
деръ,

Онъ не само (слишкомъ, очень) бодеръ,
четыре полы,

Четыре полы, а колѣни голы, и ир.

Я согрѣвался въ шинелѣ, такъ было
свѣжо.

— Садись, баринъ, вотъ только око-
ло гужей полагаю! Сказалъ мужикъ, съ
разстегнутымъ воротомъ рубахи.

— Можно ли тебѣ ѣхать, ты былъ
въ банѣ? сказалъ я ему.

— Въ *байны!* отвѣчалъ *мокрый* ям-
щикъ.

— Зачѣмъ же ты ѣдешь, такой хо-
лодъ: ты или простудился, или за-
меранешь!

— Куда *двигаться?* Всяко мотаешь-
ся! Какой это холодъ, на устьяхъ (18)
по осенямъ рыбу промышаемъ— вся-
ко бываетъ, да пока Богъ милуетъ! По-
правилъ на коренной шлею, вскочилъ
на облучекъ, поднялъ руку — и поне-
дился.

Этотъ примѣръ пояснить всякому
равнодушіе мужика къ переходамъ изъ
одной атмосферы въ другую, совер-
шенно-противоположную. За что дру-
гой заплатилъ бы жизнью, быть-мо-
жетъ, то мужикъ здѣшній считаетъ за
ничто. Но что всѣ эти минутныя ку-
панья въ холодной водѣ съ тѣми, для
всякаго посторонняго баснословными
нуждами и тугами, которыя они пре-

(18) Сѣверная-Двина при впаденіи въ
Бѣлое-Море раздѣляется и образуетъ
множество острововъ, изъ которыхъ замѣ-
чательнѣйшіе: Чекоминскій, Вознесенскій,
Корьяминскій, Бревенинскій и др. Она
впадаетъ въ море тремя большими усть-
ями: Мурманскимъ, Никольскимъ и усть-
емъ, которое называютъ крестьяне «Ко-
рабельный ходъ» или «Корабельное устье»,
потому-что чрезъ это устье плывутъ съ
бара низомные корабли въ архангель-
скую гавань. А. Х.

терпѣваютъ на Шпицбергенѣ (Угума-
итѣ), Новой-Землѣ и другихъ остро-
вахъ океана, гдѣ замерзающей мужикъ
каждое полѣно купилъ бы на всѣ се-
ребра, гдѣ блуждаетъ онъ, въ отдале-
ніи отъ товарищей, руководясь только
сѣверными сіяніями... но объ этомъ
предметѣ нужно говорить или много,
или ничего не говорить; оставляя раз-
сказы эти до другаго раза, а теперь
обращаюсь къ предмету статьи.

Если крестьянинъ отморожитъ какой-
нибудь членъ: ухо, руки и отморожен-
ныя части начнутъ гнить, тогда онъ
отправляется въ лѣсъ и ищетъ въ го-
рѣломъ березникѣ такого дерева, кото-
рое имѣло бы на поверхности своей не-
значительные наросты, бородавки или,
какъ онъ выражается, пупышки; со-
бравъ со ствола березы эти пупыш-
ки, онъ пережигаетъ ихъ въ печкѣ въ
какомъ-нибудь сосудѣ и пепломъ, об-
разовавшимся отъ пережиганія, засы-
паетъ отмороженныя, гниющія части:
«жить вельми хорошо». Если у му-
жика домашній скотъ страдаетъ отъ
прострѣла (это что-то похожее на па-
дучую болѣзнь), то крестьяне-знахари
совѣтуютъ влетать въ гривы лоша-
дямъ, рогатому же скоту влетать око-
ло роговъ какую-то траву «прострѣлъ».
Вотъ какъ они ее описываютъ: растетъ
при рѣкахъ, вышиною въ стрѣлу, цвѣт-
ки красныя, листки маленькіе, узкіе,
по всему стеблю расположенные, «какъ
пирожки» (форму).

Между крестьянками часто встрѣча-
ются такія мягкія натуры, которыя не
въ состояніи оставить младенца на два,
на три часа на чужихъ рукахъ; а вы
знаете, какъ это неудобно крестьяни-
ну-семьянину, особенно лѣтомъ, когда
жена его, вмѣсто того, чтобъ нянчить-
ся съ ребенкомъ въ-продолженіе двухъ-
трехъ часовъ, можетъ въ это время
нажать достаточное количество ржи,
убрать въ кучи скошенное сѣно, кото-
рое смокнетъ отъ перваго дождя и,
быть-можетъ, пропадетъ, сгніетъ, если
дождь будетъ продолжаться и если за-
мѣшкаются убрать его за вѣдро. Въ
сѣнокосное время, или, какъ говорятъ

они, въ *страду* (нач. страдать) отправляютъ въ избѣ мужика работы и заботы жены его, трудящейся въ это время на полѣ за уборкою ячменя и сѣна, какая-нибудь старуха, не имѣющая силъ переносить лѣтнія работы, или дѣвушка недоростокъ (подростокъ), или старѣе двѣнадцати лѣтъ, которыхъ зовутъ здѣсь *пѣстуньями*. Онѣ отправляютъ эти работы отсутствующей матери семейства безъ всякой платы, пользуясь только общимъ съ хозяевами столомъ; мужики зовутъ подобныхъ наемницъ *захлѣбеницами*, *пѣстуньями*, т. е. такими работницами, которые служатъ за одинъ только хлѣбъ. Влеченіе матери къ ребенку мужики называютъ *томленіемъ*. Вотъ что совѣтуютъ знахари для-того, чтобъ убить въ матери влеченіе къ ребенку: «если которую жену къ дитяти томить, ты возьми сала зайцевой саму́хи (всѣмъ извѣстно *чадолюбие* ея) и мажь саломъ по грудямъ (жены) и по естеству — отсушишь (ее отъ любимаго ребенка). Крестьянинъ-промышленникъ купишь на сторонѣ собаку; для-того, чтобъ придружить ее къ себѣ; онъ поитъ ее травою, которую знахари называютъ *одолендмъ*. По ихъ описаніямъ, она имѣетъ слѣдующія примѣты: растеть по берегамъ рѣкъ, «при камени черномъ», на сильныхъ мѣстахъ, на старыхъ лугахъ, та трава собой голуба, ростомъ въ локоть, цвѣтъ рудожелтъ, а листочки бѣлы». Употребленіе этой травы очень-разнообразно: «та трава вельми добра, когда человекъ окормленъ смертною ялію — давать пить, скоро пронесетъ верхнимъ концомъ и низомъ, а корень добръ отъ зубныхъ болѣзней». Пастухъ необходимо долженъ имѣть при себѣ эту траву для-того, чтобъ скотъ, пасомый имъ, не убѣгалъ отъ него. Мужикъ, потерявшій всякую надежду завладѣть любимую имъ дѣвкою, испытываетъ, какъ послѣднее, отчаянное средство, силу этой травы; онъ паритъ ее въ горшкѣ и даетъ пить непреклонной; послѣ этого средства она, какъ говорятъ травники, «не отставеть до смерти».

Мужикъ, желающій строить домъ, зарываетъ кусокъ дубовой коры въ землю на то мѣсто, на которомъ намѣренъ строиться и оставляетъ его въ покоѣ въ-продолженіе четырехъ дней; на пятый день онъ отрываетъ кусокъ коры и смотритъ: если подъ нею шевелится паукъ, или муравей, то и мѣсто, выбранное подъ постройку, неудобно; если же онъ найдетъ подъ нею черную избушку или червячка какого-нибудь, тогда онъ не задумываясь ставитъ на это мѣсто избу: «Богъ хранить отъ пожара и отъ всякой напасти».

Мужикъ покупаетъ на базарѣ лошаадь. Извѣстное дѣло, что купельныя на сторонѣ лошади отбѣгаютъ по веснамъ и осенямъ къ старымъ хозяевамъ; мужикъ устраняетъ это неудобство слѣдующимъ образомъ: въ то время, когда мужикъ покупаетъ на базарѣ лошаадь, онъ старается захватить изъ-подъ праваго копыта передней ноги лошади кусокъ земли и опускаетъ это сокровище въ свой карманъ; пріѣхавъ на «новокупкѣ» домой, онъ бросаетъ землю во дворъ и вполне увѣренъ, что лошадь присушена къ его дому, то-есть, что она не убѣжитъ отъ него къ старому хозяину. Деревенскіе травовѣды мужику, терпящему отъ падежа скота и телятъ, рекомендуютъ траву *зелѣзенку*; она растеть по пустымъ борovýmъ мѣстамъ, длиною около шести локтей и менѣе, «къ землѣ концами, а концы подъ себя подогнулись, что ноготки, а цвѣтъ багровъ, что *жемчужина*; траву эту, высушенную и измолотую въ муку, совѣтуютъ мѣшать въ питье домашнему скоту. Совѣтуютъ также этою травою въ великій-четвергъ до солнца окуривать во дворахъ домашняго скота: «и тотъ скотъ недуженъ не будетъ ни отъ звѣря, ни отъ падежа; добро *та трава* держать всякому человеку въ дому» (19).

(19) Рѣчи, заключенныя въ ковычки, списывалъ я съ травениковъ безъ всякой перемѣны; въ нихъ сохранено правописаніе подлинника. А. Х.

Крестьянинъ-лѣсникъ носить съ собою на промыслы траву воронѣцъ: «растетъ лапúшками», цвѣта чернаго, цвѣтки имѣетъ склонившіеся къ землѣ; имѣющій при себѣ эту траву, не боится худыхъ послѣдствій отъ ушибовъ, такъ обыкновенныхъ для охотника за бѣлкой.

Человѣкъ, носящій съ собою траву халимъ, имѣетъ въ этой травѣ защиту отъ «непріятной силы»: діавола, еретика и злаго человѣка» (пóрчельника). Подсудимый, готовясь идти къ судьямъ, беретъ съ собою стебель этой травы; съ нею онъ имѣетъ надежду на оправданіе. Вотъ какъ ее описываютъ наши знахари: «ростомъ въ локоть, тонка, а видомъ синя, на сторонѣ по девяти листочковъ, а на верху четыре цвѣта: червленъ, зеленъ, багровъ, синь; и та трава вельми добра, кто ее рветъ на Ивановъ, въ купальницу, сквозь златую или серебряную гривну (20). А растетъ та трава при большихъ рѣкахъ и моряхъ, а корень добръ, у которой жены дѣтей нѣтъ, и тотъ корень истопити въ козьемъ молокѣ и пити, будутъ дѣти».

Въ то время, когда здѣшніе мужики припускаютъ кобылъ къ жеребцамъ для случекъ, они слѣдуютъ неизмѣннымъ и непреложнымъ правиламъ своихъ дѣдовъ: мужикъ, желающій отъ кобылы имѣть жеребца, случаетъ ее въ первой четверти мѣсяца; если же случка будетъ въ послѣдней четверти, тогда кобыла разврѣшится кобылой. Здѣшній мужикъ наблюдаетъ, чтобъ кобыла во время случки имѣла положеніе головою къ югу, въ противномъ случаѣ жеребецъ или кобыла будутъ малосильны и хилы. Подобныя же примѣты имѣются у нихъ относительно пощвовъ хлѣба: если мужикъ съетъ ячмень на *новцу*, то-есть, во время наро-

жденія мѣсяца, то, по-ихъ, хлѣбъ арѣтъ на колосъ хотя и скоро, но зато самыи колосъ будетъ тощъ, бѣленъ вернами; «добро съяти въ *полномѣ* (при полномъ мѣсяцѣ): тотъ (хлѣбъ) растетъ тихо и корогокъ (стеблемъ) бываетъ, а колосъ будетъ ядрѣнъ (тяжелъ)».

«Есть трава *кукúша*, растетъ по берегамъ, сама синя; а оная трава въ персть, а листочки долгонкіе, что язычки, а корень на двое; одинъ мужъ, а другой жена. Когда мужъ жену не любитъ, дай пить желочкѣ, а жена мужа не любить, дай пить мужичкú, станеть любить женочка. Женочка (корень) смугла, а мужичекъ (корень) бѣлъ».

Недужнымъ дѣтямъ, какъ пособи-тельное средство, даютъ молока, настоеннаго травою *петровъ-крестъ*. «Ростомъ въ локоть, цвѣтъ багровъ, растетъ кусточками, что молодая дятлинка, корень весь крестъ на крестъ. Женщинамъ, мучащимся мѣсячными очищеніями, даюгъ эту траву съ хлѣбомъ».

Здѣшній крестьянинъ боится купаться послѣ заката солнца: «какое теперь кúпанье, теперь *водной* зажилъ!» Самое опасное время для купанья здѣсь педѣля предъ праздникомъ Ильи Пророка; въ это время, говорятъ они, водной ищетъ себѣ жертвъ.

Здѣшній мужикъ носить съ собою траву *блѣна*, растущую въ водѣ, листки она имѣетъ бѣлые, стебель этой травы имѣетъ направленіе, противное теченію рѣки, «потому ее и звать». Носящій съ собою эту траву надѣется заочно увидѣть всѣхъ гѣхъ, кои мыслятъ на него зло. Корень этой травы въ нашемъ простонародіи имѣетъ силу извѣстной травы «разрывъ»: ни одинъ крѣпкій замокъ не устоитъ противъ руки, вооруженной корнемъ травы *блѣна*. Траву *чернобыльникъ* превозносятъ здѣшніе лекаря въ излеченіи грыжъ: для этого они парятъ ее въ ухѣ или въ водѣ и хлебаютъ на «тощее сердце». «Та чернобыль на грыжу всѣмъ травамъ мать». Въ болязняхъ живота вообще предлагаютъ тра-

(20) Нѣкоторыя выраженія въ наставленіяхъ касательно употребленія травъ, заставляютъ думать, что травеники эти — произведеніе временъ давнихъ, частыми переписываніями и поправками утратившіе свой древній колоритъ.

ву *попутника*; этотъ попутникъ ро- стеть по опушкамъ лѣсовъ, по направ- лениямъ дорогъ тянущимся, достига- етъ высоты 7 дюймовъ, «а наверху у ней речейки долгоньки что шишечки». Изъ нарванной травы выжимаютъ сокъ, который и пьютъ на тощакъ отъ гли- стовъ; этотъ же теплый сокъ вмазываютъ въ большой животъ; рѣзи въ жи- вотѣ лечатъ сухою, теплою травою по- путника, прикладывая ее къ больному мѣсту. Въ ушныхъ завалахъ хвалятъ сокъ травы попутника; для уничто- жения ихъ впускается въ больное ухо известное число капель; сокъ этой травы пьютъ страждущіе кровяными рвотами; сказываютъ, что онъ не ме- нѣе полезенъ въ излеченіи ушибовъ: имъ мажутъ воспаленныя мѣста.

Рыбаки Архангельскаго-Уѣзда, от- правляясь на промыслы, не забываютъ взять съ собой и нижеслѣдующіи оберегъ, который, скажу кстати, со- держится ими въ постоянной чистотѣ. Вотъ онъ для любопытныхъ.

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Небесной Троицѣ: Отцу и Сы- ну и Св. Духу и всѣмъ св. ангеламъ и архангеламъ. Отступися діаволь отъ всѣхъ дверей и отъ всѣхъ угловъ хра- мины сея, и отъ всѣхъ узловъ дея- ныхъ (льняныхъ) и постелдольныхъ и конопляныхъ и всякихъ разныхъ ло- вушекъ (21). Здѣсь тебѣ итъ ни мѣ- ста, ни части; здѣсь съ нами, съ ры- боловами, рабами и рабынями NN, честный крестъ Господень; здѣсь св. Троица: Отецъ и Сынъ и св. Духъ; здѣсь Мати Христа Бога нашего, Пре-

святая Богородица, держитъ во пра- вой рукѣ цвѣтъ и траву и даетъ намъ, рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ, NN обкуриванія для и сохраненія нашей рыбной ловли: льняныхъ и поско- ныхъ и конопляныхъ ловушекъ, крас- ной рыбы, семги и бѣлой рыбы: рака и щуки и прочихъ. Здѣсь начальники силъ небесныхъ: Михаилъ и Гавріиль, и Уріиль и Рааиль, херувими и се- рафими и всѣ небесныя силы; здѣсь св. Іоаннъ Предтеча, и здѣсь св. апо- столы Петръ и Павелъ и держатъ во правыхъ рукахъ адамовъ крестъ, цвѣтъ и траву и золотые ключи, и даютъ намъ, рыболовамъ, рабамъ и рабы- нямъ, для-ради сохраненія нашей рыб- ной ловли: для красной рыбы, семги и бѣлой рыбы, рака и щуки и про- чихъ разныхъ, всѣхъ бѣлыхъ рыбъ. И здѣсь всѣ св. апостолы и три свати- теля и учителя: Василій-Великій, Гри- горій-Богословъ и Іоаннъ-Златоустъ честный; здѣсь съ нами, съ рабами и рабынями NN, св. Николай-Великій хранитель и здѣсь русскіе чудотвор- цы: Алексій и Іоанъ; здѣсь мученикъ Агафонъ, здѣсь мученикъ Христовъ Никита. Здѣсь, съ нами, съ рыболова- ми, съ рабами и съ рабынями (имя- рекъ) мученицы Христовы—Екатери- на и Варвара держатъ лавонъ и кади- ло, и даютъ намъ (имярекъ), для обку- риванія льняныхъ сѣтей и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ. И всѣ честныя ангели, хранители наши бе- регите и стерегите нашу рыбную до- лю, на всякъ день, и на всякъ часъ, и на всякую ночь, въ вѣтху и въ новцу, и въ меженихъ дняхъ переkehrныхъ, на заживѣ дней и на заживѣ ночей (22). Силою Честнаго и Животворящаго Креста Господня, и охраняй насъ, Го- споди, рыболововъ: рабовъ и рабынь,

(21) Этотъ оберегъ списанъ мною бу- квально съ подлинника, а потому всѣ не- достатки, которые встрѣтились или встрѣ- тятся въ немъ, на себя я не беру.

Цвѣтъ и трава, держимые Богородицею въ правой рукѣ, это вѣрно какія-нибудь растенія, перевозносимыя здѣшними тра- вовѣдами, для успѣшнаго лова рыбы; эти- ми травами обыкновенно окуриваютъ ры- боловные снаряды, или, истерши ихъ, въ порошокъ, иривязываютъ въ мѣшеч- кахъ къ неводамъ. А. Х.

(22) *Заживѣ*—приращеніе къ чему, уве- личеніе чего; *заживѣ дней*—поворотное время солнца, время, въ которое начина- ютъ увеличиваться дни (10 декабря). *За- живѣ ночей*— время, въ которое начина- ютъ увеличиваться ночи.

(имя-рекѣ), на семь дровѣ крестномъ распятый, Иисусъ Христосъ. Аминь 3.

• По благословенію Господню, идите св. ангелы ко синю мѣру съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте сильнее море вѣтромъ и вихеромъ, и сильною погодою, и возбудите (разбудите) красную рыбу-семгу, и бѣлую рыбу, раки и щуку, и прочіихъ разныхъ рыбѣ, и говите изъ подѣмху и изъ подѣ виченаго (нач. вѣца) куста, и отъ крутыхъ береговъ и желтыхъ песковъ, и чтобъ она шла бы къ намъ, рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ, имярекъ, въ матушку рѣку быструю Двину, и въ разныя рѣки и озера, и во всякіе водяные протоки; и не застоялась бы на красномъ солнцѣ, и не загулялась бы съ охотной (23) травы, и шла бы къ намъ, въ нашъ рыболовный заводъ, и не боялась бы и не петилась (пѣтиться) всегда говорить вмѣсто пятидесяти нашихъ ленныхъ (говорять вмѣсто лянныхъ и пѣсковныхъ (нач. пѣсконь), и конопляныхъ сѣтей, и всякихъ разныхъ вашихъ ловушекъ. Не дайте св. ангелы, очамъ ея — виду, ушамъ ея — слыху (слуху) и еще, св. ангелы, сохраните нашу рыбную ловлю отъ урѣновъ и отъ прикосовъ, отъ еретика и еретицы, отъ клеветника и клеветницы, отъ мужной жены и отъ вдовицы и отъ дѣвки-простоволоски, и отъ всякаго вѣтренаго (24) прохладящаго челоуѣка, отъ нынѣ и до вѣка. Аминь. Христосъ воскресе. •

Между мужиками-знахарями есть также такіе, которые свои занятія употребляютъ во вредъ товарищей; ихъ вообще называютъ пѣрчельниками. Слова въ оберегахъ: пѣрчельникъ, злой че-

лоуѣкъ и *вѣтреный* (25) челоуѣкъ однозначащи. Силы этихъ пѣрчельниковъ могущественны и страшны: пѣрчельникъ, силою злаго духа, которому онъ продался за живо, вредить даже тѣмъ врагамъ, которые отъ него отдѣлены болѣе или менѣе значительнымъ пространствомъ. Вы спросите: какія средства употребляетъ онъ для того, чтобъ вредить отсутствующимъ? Стрѣлы. Съ помощію страшныхъ заклятій, которыми, сказать кстати, они, пѣрчельники, усердно скрываютъ, напускаютъ они на отсутствующаго врага разные недуги; эти-то воздушные недуги и называютъ здѣсь «стрѣлами». Изъ числа многихъ тяжкихъ болѣстей напишутъ *вѣтреные* чаще прочіихъ употребляютъ для своей воздушной мести, икѣты, стѣкла и волосці. Первые двѣ «стрѣлы» неисцѣлимы никакими челоуѣческими средствами, послѣднюю опытная практика деревенскихъ лекарей уничтожаетъ въ челоуѣкѣ. Скажу по нѣскольку словъ объ каждой изъ этихъ болѣстей. Икота, напущенная пѣрчельникомъ, считается неисцѣлимою: ни крестъ, ни опытная мудрость травовѣдовъ не въ состояніи излечить этой порчи, даже виновникъ ея, пѣрчельникъ, не имѣетъ средствъ помочь страждущему этимъ недугомъ. Припадки этой болѣзни состоятъ въ безпрерывномъ, судорожномъ иканіи одержимаго: онъ то икѣетъ, то крикомъ своимъ подражаетъ крику животныхъ и птицъ (26) которыя необыкновенно

(23) Титулъ *вѣтренаго* данъ ему потому, что онъ въ состояніи по вѣтру напускать на челоуѣка всякія немочи. А. Х.

(26) Всѣ крестьяне старые и малые единогласно утверждаютъ существованіе этой болѣзни; быть-можетъ, и существуетъ болѣзнь, припадки которой сходны съ описываемыми, но, конечно, происхожденіе болѣзни ложно, какъ ложны послѣдующія «стѣкла и волосці», существованіе которыхъ также яро защищаютъ мужики и даже чиновники, бывшіе въ Мезени, *маткѣ* всѣхъ этихъ необъяснимыхъ болѣзней. А. Х.

(23) Нѣкоторыя травы рѣчныя и озерныя называются «охотными»; рыбаки сказываютъ, что рыба, въ опредѣленное время, по внутреннему побужденію, начинаетъ ѣсть эту траву и, въ слѣдствіе этого стадиться, случается.

(24) См. первое, слѣдующее за этимъ оберегомъ повѣрье.

привержены къ одержимому, какъ къ магнетизеру кошки и собаки. Склонности одержимаго иктою непостоянны до чрезвычайности: большой лежить на постелѣ, разметавшись, внутренній жаръ душитъ его, — онъ икаетъ и кричитъ то собакой, то кошкой. Дверь отворилась, — входитъ сосѣдъ; больной утѣшенъ: онъ необыкновенно веселъ, иканіе прерывается хохотомъ, въ глазахъ удовольствіе. Большой проситъ пить; присутствующій, спѣша исполнить желаніе несчастнаго, выходитъ за водою. Возвратясь, онъ находится большого въ состояніи совершенно противоположномъ прежнему; онъ уже не радуется посѣтителю: онъ кричитъ, мечется, рветъ свои волосы...

Припадки эти приходятъ періодами, въ опредѣленные времена. Сказываютъ, что время для припадковъ называется порчельникомъ; чаще ихъ бываетъ четыре въ году; день полугодія, въ который напущена икота, и день другаго полугодія, противоположный ему, — эти два дня самые бѣдственные для страждущихъ иктою. Сказываютъ также, что день напущенія скорби необходимо долженъ быть днемъ смерти несчастнаго.

Порчельники, пустивъ по вѣтру закланіе, часто не попадаютъ имъ въ того, кому оно предназначено; причиною этому вотъ что: мужикъ, огорчившій порчельника, врагъ его, замѣчательнѣе между крестьянами своей деревни строго нравственностію. Богъ, защищая его, не попуститъ ему встрѣтиться съ закланіемъ врага, онъ отведетъ его отъ наговора въ сторону. Наговоръ, пущенный порчельникомъ по вѣтру, идетъ своимъ путемъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ кого-либо изъ людей; человекъ, встрѣтившій наговоръ, подвергается всей жестокости его. Скажу нѣсколько словъ о стеклахъ. Страждущій «стеклами» имѣетъ въ какой-либо части тѣла, въ поясницѣ, шеѣ, рукѣ, подъ кожей мелкія, битыя стекла, которыя, при каждомъ движеніи одержимаго, причиняютъ ему жестокою боль; эта болѣзнь, какъ и пред-

шественница ея, неисцѣлима. Нѣсколько деревенскихъ бабъ съ божбами и клятвами увѣряли меня, что онѣ сами у мужей своихъ ощупывали сквозь кожу спины, рукъ, и пр. битыя стекла; при этомъ рассказывали онѣ, какія адскія мѹки претерпѣвали мужья ихъ, которымъ суждено или стоять на ногахъ факирами, или сидѣть, или же, наконецъ, лежать, смотря потому, въ которой части тѣла находятся стекла. Третья немочь, волосці, нѣсколько легче первыхъ: у страждущаго ею подъ кожу ладоней, пятокъ и др. находятся твердыя щетины, къ которымъ часто присоединяютъ порчельники и дресву; естественно, что всякое движеніе больнаго рукою, или ногою причиняетъ страждущему мучительную боль. Въ этихъ уздахъ деревенскія бабы какъ крайнюю и жестокую брань употребляютъ выраженіе: «волосціи те въ щеки!» Одержимыхъ этимъ недугомъ знахари лечатъ слѣдующимъ образомъ: къ мѣсту, въ которомъ больной чувствуетъ «волосціи», прикладываютъ пучекъ тонкихъ березовыхъ прутьевъ и на этотъ пучекъ брызгаютъ съ руки теплою водою въ продолженіе двухъ, трехъ часовъ; послѣ этого, говорятъ, появятся подъ пучкомъ прутьевъ «волосци», т. е. щетины. Знахарь приказываетъ настрогать осиновыхъ стружекъ такъ тонко, «чтобъ онѣ загибались тоненькими кружками»; изготовленные стружки намазываются медомъ и кладутся на язву, которую повиваютъ платкомъ; это повторяется два раза; леченіе продолжается: знахарь снова кладетъ на рану осиновыхъ, пропитанныхъ медомъ стружекъ и на стружки уже кладетъ «лепень» сукна, также намазаннаго до нѣльзы медомъ. Все это, какъ гласятъ травники, дѣлается для того, чтобъ на больномъ мѣстѣ образовались язвы. Когда рана достаточно увеличена, лекаря совѣтуютъ класть на рану лепешки, приготовленныя изъ пшеничнаго или ржаната тѣста; лепешки переменяются по мѣрѣ надобности: каждую держатъ до-тѣхъ-поръ, пока

на ней не образуется нѣсколько волосцевъ, тогда ее бросаютъ и замѣняютъ другою такою же, и это повторяется до-тѣхъ-поръ, пока больной не почувствуетъ совершеннаго, вѣрнаго облегченія. Въ концѣ наставленія въ подлинникѣ написано: «*сие такъ*».

Зелрбой растетъ въ смѣшанныхъ породахъ лѣсовъ еловыхъ, сосновыхъ, березовыхъ и др. на податливой и мшистой почвѣ кустиками; трава эта собою невысока, а разметиста, и вѣтки имѣетъ желтыя, листки кругомъ стебля расположены до корня; ее морятъ въ горшкахъ и, вынувши, теплою прикладываютъ къ ушибленнымъ мѣстамъ. Если давать этой травы беременному скоту, то роды его значительно облегчаются.

Если 21 апрѣля сорвать траву прострѣль и мѣсто ея положить на то мѣсто, гдѣ росла она, христовское, красное яйцо, и сорванную траву положить подъ основное бревно въ строящемся домѣ, тогда домъ будетъ *безопасенъ* отъ пожаровъ, и всѣ живущіе въ немъ счастливы; кто носить съ собою эту траву, тотъ не боится нечистой силы, — разумѣется, тогда, когда она при немъ.

Упомянувъ о порчельникахъ, нельзя пропустить вліянія ихъ на свадьбы крестьянъ; должно замѣтить, что такъ называемыя порчи свадебъ не извѣстны крестьянамъ Архангельскаго-Уѣзда: это повѣрье есть исключительная принадлежность крестьянъ Шенкурскаго - Уѣзда; скажу нѣсколько словъ о порчѣ свадебъ, въ коихъ принимаютъ такое участіе порчельники: въ селахъ Шенкурскаго-Уѣзда, такъ обильныхъ повѣрьями, живутъ нерѣдко по два, по три колдуна въ каждомъ; всѣ они въ равной степени помогаютъ мѣсть дружекъ на свадьбахъ, мѣсть выгодныхъ тѣмъ, что дружка въ-продолженіе службы своей на свадьбѣ сытъ, пьянъ и, въ придачу, надѣленъ всячиной. Всѣ три колдуна, услышавъ про свадьбу, заранѣе рассчитываютъ: на чей пай выпадетъ счастливая, выгодная роль дружки. Естественно, что всякій изъ нихъ, болѣе

или менѣе прямыми путями, старается уничтожить противниковъ; это главная причина постоянной вражды колдуновъ. Да и можетъ ли быть согласіе между ними, при этихъ притязаніяхъ? Олинъ изъ трехъ приглашенъ въ дружки, — остальные два, на общемъ совѣтѣ, соглашаются различными чарами обезоружить и уничтожить врага; на этотъ конецъ они подстерегаютъ свадебный поѣздъ, гдѣ, какъ извѣстно, дружка играетъ главную роль. Едва показался поѣздъ, они шепчутъ таинственныя слова, которыми просятъ подвластныхъ имъ духовъ остановить свадебный поѣздъ. По произнесеніи этихъ заклинаній, лошади поѣзда шарашутся, упираются и, понуждаемая испуганными мужиками, падаютъ безъ движенія. Если дружка, приглашенный провожать поѣздъ, до того знающъ, что можетъ властію своею уничтожить чары недруговъ, онъ спѣшитъ исполнить это. Заговорщики же, по произнесеніи таинственныхъ наговоровъ, спѣшатъ какъ можно скорѣе оставить прежнее мѣсто и перебѣжать на другое, оставивъ тамъ мѣсто себя свое платье: армяки, шапки и др.; на оставленные вещи они наговариваютъ извѣстныя заклинанія. Разгнѣванный дружка посылаетъ воздушный гнѣвъ свой на возмутителей поѣзда и шапки, армяки, оставленные ими мѣсто себя на прежней залогѣ (нач. *залогѣ*), вихремъ крутятся въ воздухѣ и летятъ во вѣтру лепнями. Еслибъ заговорщики были такъ неосторожны, что не убѣжали бы съ мѣста первого привала, съ ними бы случилось то же, что и съ шапками ихъ. Между-тѣмъ, шутки чернокишниковъ становятся отчасу занимательнѣе: обиженные порчельники вихремъ, пескомъ и пылью бьютъ въ глаза всѣхъ, участвующихъ въ поѣздѣ, сами же снова переимѣняютъ мѣсто; дружка мститъ ихъ платью и, наконецъ, когда онъ уже не въ состояніи противиться соелмненнымъ силамъ трехъ колдуновъ-порчельниковъ, онъ спѣшитъ послать къ нимъ по вѣтру вѣсть мира. Спокой-

ствіе возобновляется и торжествующая засада выходитъ къ свадебному поѣзду за получениемъ известной контрибуціи: по ведру водки на брата. Если черезъ-чуръ обиженные порчельники не пожелаютъ смириться, то свадебный поѣздъ сърыми волками разбѣгается по лѣсамъ; и, напротивъ, — если дружка осилитъ злоумышленниковъ, то они въ свою очередь — или волки, или черные вороны въ буквальномъ смыслѣ. Всѣ эти порча свадебъ въ устахъ народа теперь не болѣе, какъ «преданья старины глубокой».

Эти порчельники играютъ также не мелкую роль въ промыслахъ крестьянъ за бѣлками, медвѣдями, рябчиками и др. Известно, что крестьянинъ, имѣющій хорошую собаку, то-есть такую собаку, которая скоро и вѣрно отыскиваетъ верхнимъ чутьемъ бѣлку, болѣе своихъ товарищей по промыслу настрѣляетъ бѣлокъ; это, естественно, возбуждаетъ въ нѣкоторыхъ зависть. Завистники, желая испортить собаку охотника, отправляются гуртомъ къ порчельнику и, за известную плату, подражаютъ его известными ему средствами утѣшить ихъ, то-есть, испортить собаку счастливаго охотника, сдѣлать изъ хорошей лазейки собаку, рѣшительно бесполезную тому, кто кормитъ ее. Надъ этимъ задумается порчельникъ, чего онъ не знаетъ? Счастливый охотникъ, кряхтя подъ добычей, возвратился за хлѣбомъ домой; порчельникъ ждалъ этого: онъ употребляетъ всѣ средства для того, чтобъ заманить «промышленную» собаку къ себѣ во дворъ; достигши этого, онъ кормитъ ее мясомъ, на которое предварительно наговорены были имъ всякія проклятія, или, какъ говорятъ иные, кормитъ ее овсяною заваркою съ примѣсью какой-то травы, съѣвши которую она теряетъ способность искать бѣлку. Впрочемъ, довольно сказать, что порчельникъ, изъ желанія угодить тароватымъ просителямъ, испортитъ собаку лѣсника, на которую тотъ полагаетъ всю надежду свою, рассчитываетъ весь барышъ промысловъ, которымъ

онъ оплачиваетъ подати. Семейный крестьянинъ-охотникъ, бобыль между мужиками, не имѣющій ни лошади, ни коровы, и, въ прилачу, не имѣющій средствъ снабжать молокомъ многолюдную семью свою, крестьянинъ этотъ, повторяю, скорѣе согласится купить собаку и заплатить за нее 15 р. асс., чѣмъ корову за ту же цѣну: походивъ съ хорошею собакой осень за бѣлкой, онъ надѣется выручить не менѣе ста рублей. Изъ этой суммы онъ откладываетъ половину на первый пивной праздникъ; остальная половина, — это чистый, валовой барышъ его. Мужикъ, днемъ стрѣлявшій бѣлокъ, а съ наступленіемъ ночи пришедшій для отдыха къ станку, первымъ и главнымъ дѣломъ считаетъ припрятать подальше ружье; это дѣлаетъ онъ для того, чтобъ завистливые товарищи не испортили его «завѣда» таинственными наговорами, или, просто, гвоздемъ.

Мужики Шенкурскаго-Уѣзда всѣхъ вообще птицъ, которыхъ они не употребляютъ въ пищу, называютъ *погаными*; никто изъ лѣсниковъ не рѣшится выстрѣлить въ поганую птицу, боясь выстрѣломъ испортить свое ружье. Особенно же боятся стрѣлять въ ворона; выстрѣлить по немъ значить, просто, испортить добровольно ружье — вдронъ этотъ у всѣхъ промышленниковъ какъ бѣльмо на глазу. Крестьяне, занимающіеся стрѣляніемъ бѣлокъ, занимаются вмѣстѣ съ тѣмъ и ловлею птицъ: тетеревовъ, рябчиковъ, и др. Они ставятъ на лѣсныхъ тропахъ, которыя называютъ *путиками*, различныя ловушки; тропы эти, или путики, находятся по-большѣй-части въ отдаленіи отъ жила. Мужикъ не ставитъ около жила силковъ и *слонцовъ* не потому, чтобъ опасался досужихъ посѣтителей, готовыхъ вынуть изъ нихъ во всякое время птицъ (27), нѣтъ, онъ этого не опа-

(27) Кстати замѣчу, что никто изъ крестьянъ не рѣшится вынуть изъ чужаго силка птицу. Крестьянинъ всегда готовъ

сается, а причина, заставляющая его дѣлать путики въ дальнихъ суемахъ, есть его же собственный слова: «какой быть птицѣ около дворовъ?». Вотъ что заставляеть его бѣгать лишніе десятки верстѣ. Крестьянинъ, оправивъ на путикѣ своемъ всѣ силы и слошцы, отправился за бѣлкой. Пострѣлявъ дней пять, онъ идетъ осматривать свой путикъ: изъ двадцати и болѣе птицъ, попавшихся въ силки и слошцы, для употребленія и продажи крестьянину годны только десять. Что за причина этому? Та же поганая птица вѣронъ. Эту птицу крестьяне считаютъ мудрѣйшею изъ птицъ. Для того, чтобъ поймать ее, мужикъ употребляетъ всѣ средства: онъ нарочно для него ставитъ силки самаго хитраго устройства, оправляетъ слошцы, въ которыхъ палочки настрожены такъ тщательно, что даже сколько нибудь чувствительный вѣтеръ сбиваетъ ихъ и—слопецъ захлопывается. Все это они окладываютъ самыми лакомыми приманками: кусками мяса и пр.; но хитрый вѣронъ преспокойно выклеываетъ изъ-подъ слошцевъ мясо и улетаетъ, продолжая, назло мужичку, портить его путикъ. Разсуждая о хитрости и осторожности вѣрона, здѣшніе мужики очень справедливо, хотя не сознательно и суевѣрно говорятъ, что онъ видитъ не

глазами, а сердцемъ, а потому и сердце его — приманка для всѣхъ кладонскателей. Но объ этомъ послѣ. Мужики-промышленники по прежнему охаютъ, проклиная хитраго вора-вѣрона; вѣронъ объѣдаетъ путики мужиковъ. Чтоже они наконецъ выдумали для того, чтобъ уничтожить заклятаго врага своего? Для уничтоженія вѣроновъ они придумали слѣдующее довольно остроумное средство: они рѣжутъ пойманнаго рѣбчика на мелкіе куски, въ куски эти натываютъ достаточное количество конскаго волоса и послѣ сшиваютъ конскимъ же волосомъ всѣ эти куски вмѣстѣ; сдѣлавъ все это какъ сказано, они кладутъ приготовленный такимъ образомъ кусокъ мяса на путикъ. Вѣронъ безъ опасенія начинаетъ клевать мясо рѣбчика и, будучи прожорливъ и глотая куски, естественно подавливается волосомъ. Крестьяне хвалять этотъ способъ уничтоженія вѣроновъ и самъ я знаю, что онъ, сравнительно съ прочими, лучшій и надежнѣйшій.

Крестьянинъ-кладонскатель старается поймать вѣрона; разумѣется эта попытка такъ же сбыточна, какъ и самая попытка найти кладъ: всѣмъ извѣстны осторожности этихъ птицъ. Вы спросите: для чего онъ ищетъ этого случая? Выше упоминалъ я замѣчаніе мужиковъ о вѣронѣ: онъ видитъ не глазами, а сердцемъ. Это выраженіе они понимаютъ прямо, буквально; они думаютъ, что глаза вѣрону даны такъ, для того только, чтобъ онъ въ ряду птицъ былъ похожъ на птицу; глядитъ же онъ на предметы не глазами, а сердцемъ, которымъ видитъ и опасность въ лакомомъ кускѣ говядины, положенномъ близъ силка; сердцемъ же *видитъ* и силокъ этотъ. Однимъ словомъ, по понятіямъ здѣшнихъ мужиковъ, вѣронъ, лишившись глазъ, рѣшительно ничего не теряетъ, по той причинѣ, что зрѣніе вѣрона исходитъ изъ его сердца, а ни чуть не изъ глазъ. Крестьянинъ, поймавъ вѣрона, спѣшитъ разрѣзать его живого и съѣсть теплое, бьющееся еще

выкрасть у сосѣда зимою изъ ямы рѣпу, и тѣмъ лишить его зимняго, дароваго харча, или, лѣтомъ, вытащить изъ прясель ноши двѣ гороху; но крестьянинъ этотъ, не посмѣетъ вынуть изъ чужаго силка птицы. Послѣдній поступокъ онъ считаетъ грѣшнымъ въ высшей степени. Конечно, въ семьѣ не безъ урода: были примѣры, что огромный тетеревъ, или вкусный рябчикъ соблазнили вѣрность и правду мужиковъ; но эти примѣры такъ рѣдки и мужики-воры такъ бывають наказаны за свои поступки всеобщимъ посмѣяніемъ, что, вѣроятно, болѣе не захотятъ нарушать издревле принятаго правила: «не мочи ворошить въ чужихъ силахъ птицъ». А. Х.

сердце его;—тогда онъ получаетъ способность видѣть на нѣкоторое разстояніе сквозь землю. Чего же богѣ желать кладоискателю? Онъ достигъ главнаго и пламеннѣйшаго желанія: онъ видитъ сокровища, зарытыя въ землѣ. (Чит. въ прежн. стат. о *бѣлой змѣѣ*.)

Между крестьянами этихъ двухъ уѣздовъ вы встрѣтите мало такихъ, которые позволяютъ себѣ вбить колъ въ землю вершиною. Всякій изъ мужиковъ скажетъ, что если Богъ первоначально выростилъ дерево такъ, что вершина его была обращена къ небу, а комель къ землѣ, то слѣдъ ли человѣку переиначивать дѣла Божьи? Дерево на землѣ росло комлемъ внизъ, а вершиной кверху, пусть же и въ огородѣ, въ заборѣ оно, оскобленное и отесанное, растеть въ натуральномъ положеніи, а не на выворотѣ.

Относительно воздушныхъ, метеорологическихъ явленій, у крестьянъ этихъ двухъ уѣздовъ есть примѣты, болѣе или менѣе вѣрныя. Такъ градъ, идущій весной, вѣщуетъ холодъ, идущій же осенью, тепло. Если, по окончаніи яснаго дня, солнце на закатѣ скрыто въ облакахъ, то это предвѣщаетъ слѣдующій день туманный и дождливый. Если мужикъ увидитъ купающихся воробѣй, то онъ разсчитываетъ, что впереди будетъ тепло, хотя бы это купанье было глубокою осенью. Частыя сѣверныя сіянія вѣщуютъ морозы: поздній отлетъ въ теплыя страны утокъ предвѣщаетъ въ будущемъ году раннюю осень и пр. и пр.

Разскажу олинъ странный случай излеченія сумасшествія громовою стрѣлою,— случай, котораго свидѣтелями были многіе достойные вѣры мужики. Не въ дальнемъ разстояніи отъ Шенкурска есть деревенька Кюсгора. У одного изъ крестьянъ этой деревни занемогла жена. Суля по признакамъ болѣзни, о которыхъ разсказываютъ мужики, можно заключить, что у нея было что-то въ родѣ горячки. Болѣзнь достигла крайней степени; мужъ отчаявался за жизнь ея. Однажды утромъ она проснулась почти здоро-

вая; — только болѣзнь худшая и жесточайшая посѣтила ее: она сошла съ ума. Болѣзнь развивалась быстро и наконецъ дошла до такой степени жестокости, что родные и знакомые бѣдной женщины вынуждены были прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ: ее скрутили и приставили къ ней караулъ, не уѣдоя, впрочемъ, ближайшихъ врачей о поданіи пособія несчастной (28). Говорить ли о тѣхъ *леченіяхъ*, которыми истязали несчастную? Всѣ поливанія холодной воды на бритое темя, — шутки въ сравненіи съ тѣми, которыя претерпѣвала страдалица. Въ одинъ вечеръ приходитъ къ печальному мужу сосѣдъ съ извѣстіемъ, что какой-то прохожій старикъ печникъ похваляется вылечить безумную громовою стрѣлою. Незнакомца позвали. При первомъ появленіи его припадки большой видимо смягчились. Пришедшій печникъ потребовалъ себѣ чистое судно; ему подали деревянную чашу, въ которую онъ, какъ сказывали, налилъ чистой воды и опустилъ въ нее громовую стрѣлу. Развязанная больная робко подползла къ судну и съ сознаніемъ, котораго давно не видала въ глазахъ ея, глядѣла въ воду, между-тѣмъ, какъ печникъ читалъ какіе-то наговоры. Такъ ли, иначе ли было дѣло, только кончилось оно тѣмъ, что больная совершенно выздоровѣла. Чтò тутъ помогло, въ чемъ состояло леченіе, въ стрѣлѣ ли, въ водѣ, или въ наговорахъ? Не въ *магнитизмъ ли*? Читающіе да не сочтутъ этого шуткой; это было, и было, очевидно которой здоровы и теперь, какъ нравственно, такъ и физически.

(28) Крестьяне этихъ двухъ уѣздовъ такъ плохо вѣрятъ знаниямъ медицинскихъ чиновъ, что скорѣе рѣшатся, при всѣхъ видимыхъ опасностяхъ больнаго, сидѣть молча, сложа руки, чѣмъ пригласить ближайшаго врача, для поданія помощи больному. Эта антипатія къ врачамъ есть, кажется, одна изъ характеристическихъ чертъ русскаго народа. А. Х.

Въ Шенкурскомъ-Уѣздѣ рыболовы промысляютъ рыбу между прочими способами, слѣдующимъ: ночью они отправляются въ лодкѣ по озеру, рѣкѣ и, съ помощію остроги, колютъ спящую рыбу; на носу лодки въ желѣзной рѣшеткѣ горитъ огонь. Сказываютъ, что если въ носъ лодки вѣблатъ кусокъ громовой стрѣлы, то рыба, промыслюющій въ этой лодкѣ, въ-продолженіе путешествій своихъ не увидитъ ни одной рыбы, по той причинѣ, что рыба, по словамъ крестьянъ, такъ боится этой стрѣлы, что не допустить къ себѣ лодки по-крайней-мѣрѣ на разстояніе ста саженой. Справедливо ли это, не знаю, а что мужикъ вкалываетъ въ носъ лодки другого мужика — тайнѣ отъ него, — куски кремнезема, это правда, которой самъ я былъ свидѣтелемъ.

Однажды я спросилъ одного знахаря: правду ли сказываютъ люди, что ты можешь, посредствомъ наговоровъ, не пустить коровы изъ лѣса во дворъ хозяина до-тѣхъ-поръ, пока не захочешь уничтожить наговора?

«Ты не застанешь во дворъ съ тундры оленя?» Сказалъ онъ.

— Нѣтъ, ну, что жъ?

«Ну, такъ и корову не застанешь, такъ же, какъ оленя, если я захочу!»

— Кто тебѣ поможетъ въ этомъ?

«Спроси на борѣ ель да сосну: онѣ скажутъ!» сказалъ неразговорчивый колдунъ и рѣшительно оттолкнувъ меня отъ дальнѣйшихъ попытокъ разспрашивать его о чемъ либо. Вотъ что понудило меня спросить объ этомъ сердитаго колдуна: ко мнѣ пришелъ мужикъ спросить: не знаю ли я отговоръ; я, разумѣется, отвѣчалъ отрицательно и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ сказать мнѣ причину этого вопроса.

«Третьи сутки корову во дворъ заставить не могу: найдешь на поскотинѣ, приведешь къ воротамъ, только бы войди, — нѣтъ: таращится, какъ отъ ножа; и крестъ на воротахъ знатокъ (виденъ, примѣтенъ), и все, какъ у людей, а коровѣ, хотъ кончу снимаю, не идетъ во дворъ. Это неспроста: кто-

нибудь ее худымъ словомъ ошепталъ.» На первый разъ бесѣда наша кончилась этимъ разговоромъ мужика. Вечеромъ того же дня сидѣлъ я у окна съ книгою; раздавшіеся шаги на улицѣ заставили меня взглянуть въ окно. Домъ мужика-просителя былъ противъ моей квартиры и ворота его двора были видны какъ-нельзя-лучше изъ моихъ оконъ. Къ воротамъ дома его робко и осторожно подходилъ несговорчивый старикъ-колдунъ, неся въ рукахъ какую-то банку; я внимательно слѣдилъ за чародемъ: онъ, подойдя къ воротамъ двора мужика, махнулъ рукою въ банку и быстро помазалъ той же рукою по воротамъ двора. Немедленно послалъ я за нимъ и когда посмотрѣлъ на содержаніе загодочной баночки, то узналъ въ немъ—медвѣжье сало. Естественно, что корова, однажды напуганная медвѣдемъ, боится запаха его сала.

Между здѣшними черношерстыми собаками есть такія, которыя имѣютъ надъ глазами бѣлыя пятна; этихъ собакъ зовутъ здѣсь *двоглазками*. Повѣрье говоритъ, что онѣ глазами видятъ предметы, всѣмъ намъ видимые, вещественные; надглазными же пятнами, или, какъ ихъ здѣсь зовутъ, *другими глазами*, видятъ непріятную силу. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ лѣсниковъ, болѣе другихъ боящіеся непріятной силы, имѣютъ совершенное отвращеніе отъ собакъ-двоглазковъ, и какъ бы собака ни была полезна въ охотѣ, подобный мужикъ изъ одного страха не согласится промыслять съ нею; эти собаки у нихъ слывутъ *сердитыми*. Если кто-нибудь, ночью съ собакою-двоглазкою въ станкѣ, услышитъ внезапно ворчанье ея, безъ видимыхъ причинъ, онъ спѣшитъ унять ее, боясь дальнѣйшимъ ворчаньемъ собаки раздражить присутствующаго здѣсь лѣшаго; лѣшій, по рассказамъ мужиковъ, не любитъ собачьяго лая вообще, и собакъ-двоглазковъ въ особенности.

Крестьянинъ, покупая домашняго скота и птицъ, соображается съ цвѣ-

томъ шерсти покупаемыхъ: нравится ли онъ, цвѣтъ, домовому того дома, гдѣ живетъ онъ, или нѣтъ. Если кто-либо имѣеть случай продать корову выгодному покупателю, онъ прежде расчитывается: по-дому ли придется покупателю продаваемая корова. Это онъ узнаётъ отъ старухъ того дома, въ который хочетъ продать. Если цвѣтъ шерсти продаваемой скотины домовому покупателю любъ — продавецъ въ барышахъ; въ противномъ случаѣ, онъ продешевится, продавъ ее другому. Цвѣтъ шерсти, противный домовому, здѣсь зовутъ цвѣтомъ *не по двору*; цвѣтъ же пріятный ему, называютъ *любимъ*.

Крестьянинъ купилъ на ярмаркѣ вороную лошадь; лошадь, была нездорова и чрезъ мѣсяцъ околѣла. Случай привелъ вмѣстѣ съ лошадью околѣть и черной коровѣ. Мужикъ, твердо увѣренный, что это проказы домового, спѣшить распахать за дешево черныхъ барановъ, куръ, боясь продолженія тѣхъ же страшныхъ для него лишеній.

Крестьяне говорятъ, что водяной, такъ же, какъ и лѣшій, не любитъ, чтобъ кто-либо побезпокоилъ его сонъ свистомъ; если свистящій плыветъ въ лодкѣ, онъ опрокидываетъ лодку и увлекаетъ пловца на дно; если онъ идетъ по берегу, водяной хватается его съ берега.

Рѣдкій изъ мужиковъ, проснувшись ночью отъ жажды, позволить себѣ утолить ее. Начало этого предубѣжденія слѣдующее: мужикъ думаетъ, что если онъ ночью выпьетъ ковшъ воды, то долженъ будетъ заплатить за это здоровьемъ. Онъ не потому опасается пить ночью воду, что она въ состояніи разстроить его желудокъ; — нѣтъ, если вы скажете ему объ этомъ, онъ не повѣритъ вамъ. Настоящая же причина страха его — какая-то темная, самому ему неясная дума объ этой водѣ: «какъ я стану пить воду но-

чью, когда послѣ заката водяной зажилъ? — Что, какъ съ этимъ питьемъ прильнетъ ко мнѣ *красная* (водяная)?». Вотъ, по ихъ мнѣнію, корень водяной болѣзни. Смотра на одержимаго водяною, мужикъ думаетъ: «вѣрно испилъ ночью не благословясь; мудро пособлять!» покачаетъ головой и пойдетъ.

Знаете ли вы, что такое болѣзни во снѣ у человѣка и скота? Здѣшніе мужики говорятъ, что всякій человѣкъ бываетъ по ночамъ одержимъ разными болѣзнями. Водяныя, горячки, лихорадки и другія болѣзни необходимо должны претерпѣть всякій изъ людей, какъ наказаніе отъ Бога за грѣхи отцовъ нашихъ. Но Богъ, по милосердію своему, посылаетъ на человѣка эти болѣзни во время сна его и если онъ, претерпѣвая во снѣ недугъ, будетъ разбуженъ прежде окончанія его, тогда разбуженный боленъ тою болѣзнію, которая посѣтила его во снѣ и которая необходимо кончилась бы, еслибъ спавшій проснулся самъ. Вѣря этому, крестьяне боятся на зарѣ будить собратьевъ своихъ. Если же какая-нибудь необходимость заставитъ непременно разбудить спящаго, то они съ величайшею осторожностію начинаютъ его беспокоить, какъ будто тѣмъ самымъ желаютъ ускорить дѣйствіе воображаемой болѣзни и привести ее къ благополучному концу. Это убѣжденіе очень-выгодно для тѣхъ крестьянъ, которые, по лѣности, любятъ поспать.

А. Харитоновъ.

7 февраля 1848.
Архангельскъ.

